anna AKHMATOVA

poems

Yuri Annenkov (1889-1974)

Natan Altman
(1889-1970)

Yuri Annenkov
(1889-1974)

Amadeo Modigliani
(1884-1920)

PORTRAITS OF ANNA AKHMATOVA

In her lifetime Anna Akhmatova was painted by as many as sixty artists, and there are about ninety portraits of her done in different genres.

NATAN ALTMAN (1889-1970)—Soviet painter and sculptor, Merited Artist of the RSFSR. His portrait of Anna Akhmatova, done in oils on canvas (123.5 × 103.2 cm.) is on view at the Russian Museum in Leningrad.

This is what Leonid Rakhmanov, a Soviet writer, says about Anna Akhmatova's first meeting with Natan Altman: "Natan Altman told me how he and Ilya Ehrenburg were walking down the street in Paris one day behind a slender Frenchwoman. They discussed her out loud until she suddenly turned round and told them in pure Russian: 'Stop it, will you.'" And the result of this meeting was Altman's wonderful portrait of Akhmatova.

YURI ANNENKOV (1889-1974)—Russian etcher and painter, who began as a Futurist, and earned renown for his illustrations of Alexander Blok's poem The Twelve *(1918), and his character portraits of writers and people in the world of art.*

The portrait of Anna Akhmatova he did in 1921 in gouache.

He recalls: "I made two sketches of Akhmatova in 1921—one in ink, and the other in colour, in gouache. She was a model of patience, sitting for me with her hand on her breast." And Yevgeni Zamyatin wrote: "The portrait of Akhmatova is, rather, the portrait of her eyebrows. Faint and heavy shadows spread over her face from these eyebrows, and in them there is a world of bereavement. They are like the clef in a piece of music: you can all but hear what the eyes, the mourning-black hair, and the black beads on the comb are saying."

AMADEO MODIGLIANI (1884-1920)—Italian painter. The characteristic features of his portraits are laconism in composition, and an exquisitely drawn silhouette. He made the drawing of Anna Akhmatova in Paris in 1911. Anna Akhmatova recalls: "He did not draw me from nature, but at home, from memory, and then gave the drawings to me. There were sixteen in all. He asked me to frame them in passe-partout and hang them in my room. The drawings perished in my Tsarskoye Selo home during the first years of the Revolution."

АННА АХМАТОВА

СТИХИ

Выражаем глубокую признательность
Льву Николаевичу Гумилеву,
оказавшему неоценимую помощь
в работе над этой книгой.

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДУГА»

nna
KHMATOVA

poems

Acknowledgment is made
to Lev Gumilyov
for his invaluable help
in compiling this book.

RADUGA PUBLISHERS • MOSCOW

Translation from the Russian
Designed by *Eduard Zaryansky*

АННА АХМАТОВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

На английском языке
с параллельными
русскими текстами

Перевод сделан по изданию:
Анна Ахматова.
Стихотворения и поэмы.
Изд-во «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, 1976.
Редактор русского текста
Е. К. Нестерова

© Состав, комментарии.
Издательство «Радуга», 1988

English translation
© Raduga Publishers 1988

Printed in the Union
of Soviet Socialist Republics

ISBN 5-05-001662-2

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

21 Foreword

25 About Myself in Brief

Из книги «ВЕЧЕР» *1912*
From the book EVENING *1912*

30 Любовь
31 Love

В Царском селе
In Tsarskoye Selo

32 «А там мой мраморный двойник...»
33 "Beneath that ancient maple on the ground..."

32 «Смуглый отрок бродил по аллеям...»
33 "The swarthy youth walked here at leasure..."

34 «Сжала руки под темной вуалью...»
35 "Behind my shawl my hands I clutched..."

34 «Дверь полуоткрыта...»
35 "Door half-open..."

36 Песня последней встречи
37 Song of a Last Meeting

38 Песенка
39 Simple Tune

38 Сероглазый король
39 Grey-Eyed King

40 Рыбак
41 The Fisherman

42 «Молюсь оконному лучу...»
43 "I bless the sunbeam in my window..."

Читая «Гамлета»
Reading *Hamlet*

42 «У кладбища направо пылил пустырь...»
43 "The waste to the right of the graves lies dead..."

44 «И когда друг друга проклинали...»
45 "And when, our passions, roused to white-hot rage..."

Из книги «ЧЕТКИ» *1914*
From the book ROSARY *1914*

Смятение
Confusion

46 «Было душно от жгучего света...»
47 "How breathe in that searing light?.."

46 «Не любишь, не хочешь смотреть?..»
47 "You won't look at me, you don't love me..."

46 «Как велит простая учтивость...»
47 "For politeness' sake you came up to me..."

48 Вечером
49 Evening

50 «Все мы бражники здесь, блудницы...»
51 "We are all of us drunkards and harlots..."

50 «После ветра и мороза было...»
51 "It was lovely sitting at the hearth..."

52 «Безвольно пощады просят...»
53 "My eyes plead for mercy humbly..."

52 «Настоящую нежность не спутаешь...»
53 "True tenderness can't be mixed up..."

54 «У меня есть улыбка одна...»
55 "There's a smile I have..."

54 «Сколько просьб у любимой всегда!..»
55 "Requests galore a loved woman has..."

56 «В последний раз мы встретились тогда...»
57 "The last rendezvous we had, he and I..."

56 «Я научилась просто, мудро жить...»
57 "A simple way of life I've learned and wise..."

58 «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...»
59 "In solitude, you know, I languish..."

58 «Вижу выцветший флаг над таможней...»
59 "I see the faded Customs House flag..."

60 «Дал Ты мне молодость трудную...»
61 "A difficult youth You gave me, O Lord..."

60 «Я с тобой не стану пить вино...»
61 "I shall not drink wine with you tonight..."

Стихи о Петербурге
Verses about St Petersburg

62 «Вновь Исакий в облаченьи...»
63 "Again St Isaac's is enrobed..."

62 «Сердце бьется ровно, мерно...»
63 "My heart beats evenly and calmly..."

64 Венеция
65 Venice

64 «Я пришла к поэту в гости...»
65 "When I came to see the poet..."

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ» *1917*
From the book A WHITE BIRDS' FLIGHT *1917*

66 «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...»
67 "We thought we had nothing—so poor were we..."

66 «Твой белый дом и тихий сад оставлю...»
67 "I'll leave your snow-white home and quiet garden..."

68 Уединение
69 Seclusion

68 «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»
69 "My voice is weak, but weakens not my will..."

70 «Тяжела ты, любовная память!..»
71 "Love memories, you are so hard to bear!.."

70 «А! Это снова ты. Не отроком влюбленным...»
71 "Ah, it is you again. Not as a lovelorn youth..."

72 «Я улыбаться перестала...»
73 "You see me now no longer smiling..."

72 «Я так молилась: «Утоли...»
73 "I prayed so hard: "O Lord, appease..."

74 «Есть в близости людей заветная черта...»
75 "In intimacy there's a sacred verge..."

74 «Нам свежесть слов и чувства простоту...»
75 "For us to lose our words' and feelings' freshness..."

76 «Был блаженной моей колыбелью...»
77 "This somber city on the wrathful river..."

76 «Под крышей промерзшей пустого жилья...»
77 "Within these empty, frozen walls..."

76 «Чернеет дорога приморского сада...»
77 "How dark is the path in the park by the sea..."

78 «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...»
79 "There is a simple life somewhere with simple joys..."

78 «Все мне видится Павловск холмистый...»
79 "Hilly Pavlovsk, you sweetest of dreams..."

80 Майский снег
81 Snow in May

80 «Лучше б мне частушки задорно выкликать...»
81 "Ah, better I were shrilling ditties..."

82 Молитва
83 A Prayer

82 «Высокомерьем дух твой помрачен...»
83 "By arrogance your spirit's dulled and swayed..."

84 Памяти 19 июля 1914
85 In Memory of July 19, 1914

84 «Перед весной бывают дни такие...»
85 "There are such days just before spring..."

86 «То пятое время года...»
87 "That special, that fifth season..."

86 «Я не знаю, ты жив или умер...»
87 "Are you alive or dead, I do not know..."

88 «Не хулил меня, не славил...»
89 "Unlike my friends, unlike my foes..."

88 «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...»
89 "The twenty-first of... Midnight... Monday..."

90 «Я знаю, ты моя награда...»
91 "I know that you are my reward..."

90 «Судьба ли так моя переменилась...»
91 "Is it a mere change from the life I led..."

92 «Как белый камень в глубине колодца...»
93 "A memory lies hidden from the light..."

92 «И мнится — голос человека...»
93 "It seems as long as time will last..."

94 «Мне не надо счастья малого...»
95 "Not for me, to count each blessing..."

94 «О, есть неповторимые слова...»
95 "There are some words that one cannot renew..."

96 «Не тайны и не печали...»
97 "Neither mystery nor gloom's chill..."

Из книги «ПОДОРОЖНИК» *1921*
From the book THE PLANTAIN *1921*

98 «Ты — отступник: за остров зеленый...»
99 "You're a renegate—you have betrayed..."

100 «Просыпаться на рассвете...»
101 "Oh to wake up in the morning..."

100 «А ты теперь тяжелый и унылый...»
101 "You are so heavy now, so gloomy, drear..."

102 «В каждых сутках есть такой...»
103 "There's a troubled, anxious hour..."

102 «Это просто, это ясно...»
103 "It's so simple, crystal-clear..."

104 «О нет, я не тебя любила...»
105 "Oh no, it was not you I loved..."

106 «Эта встреча никем не воспета...»
107 "Meeting you left no trace in my verse..."

106 «Теперь никто не станет слушать песен...»
107 "Who will hear songs in days of strife and war?.."

108 «По твердому гребню сугроба...»
109 "Toward your house, mysterious and white..."

108 «Течет река неспешно по долине...»
109 "The river slowly flows across the plain..."

108 «И целый день, своих пугаясь стонов...»
109 "Now all day long, fearing their own shrill groans..."

110 «Мне голос был. Он звал утешно...»
111 "I heard a voice. With soothing summons..."

Из книги «ANNO DOMINI» *1921-1922*
From the book ANNO DOMINI *1921-1922*

112 Петроград, 1919
113 Petrograd, 1919

112 Бежецк
113 Bezhetsk

114 «Земной отрадой сердца не томи...»
115 "Don't tempt your heart with earthly joy..."

114 «Не с теми я, кто бросил землю...»
115 "I'm not one of those abdicators..."

Черный сон
The Dark Dream

116 «Ты всегда таинственный и новый...»
117 "You are always mysterious and new..."

116 Третий Зачатьевский
117 Third Zachatyevsky Lane

118 «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..»
119 "Obey you? Dearest, you cannot be sane..."

Библейские стихи
Biblical Verse

120 Рахиль
121 Rachel

122 Лотова жена
123 Lot's Wife

122 «Вот и берег северного моря...»
123 "There it is, the northern coast's vast sweep..."

124 «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...»
125 "It's delightful here: vibrant the air..."

124 «Небывалая осень построила купол высокий...»
125 "This autumn was unique, the vault of heaven..."

126 «Кое-как удалось разлучиться...»
127 "I've made the break with you somehow..."

126 «А, ты думал я — тоже такая...»
127 "So you thought that I was one of these..."

128 «Пусть голоса органа снова грянут...»
129 "O let the organ, many-voiced, sing boldly..."

128 «Я гибель накликала милым...»
129 "I courted disaster; foredoomed..."

130 Клевета
131 Slander

Три стихотворения
Three Poems

132 «Да, я любила их, те сборища ночные...»
133 "Yes, I adored those noisy crowded nights..."

132 «Соблазна не было. Соблазн в тиши живет...»
133 "There's no temptation here..."

132 «Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой...»
133 "That's why I look in such turmoil..."

134 Многим
135 To Many

Из книги «ТРОСТНИК» *1924-1940*
From the book REEDS *1924-1940*

136 Муза
137 The Muse

136 «Здесь Пушкина изгнанье началось...»
137 "Here started Pushkin's banishment..."

138 «Тот город, мной любимый с детства...»
139 "This wintry city where I wandered..."

138 «Не прислал ли лебедя за мною...»
139 "Has he sent a swan on silent wings..."

140 «Одни глядятся в ласковые взоры...»
141 "Some lose themselves in gentle eyes..."

140 «Привольем пахнет дикий мед...»
141 "Wild honey smells of open fields..."

142 Данте
143 Dante

144 Клеопатра
145 Cleopatra

144 Ива
145 Willow

Разрыв
Rupture

146 «Не недели, не месяцы — годы...»
147 "It has taken us long years to part..."

146 «И, как всегда бывает в дни разрыва...»
147 "As always at a time of cutting ties..."

148 Последний тост
149 The Last Toast

148 «Годовщину последнюю празднуй...»
149 "Let's tonight celebrate our last..."

Из «СЕДЬМОЙ КНИГИ» *1936-1964*
From THE SEVENTH BOOK

Тайны ремесла
The Secret of Craft

150 Творчество
151 Creation

150 «Мне ни к чему одические рати...»
151 "Unsuited to my purpose is the rhyming..."

152 Муза
153 The Muse

152 Поэт
153 The Poet

154 Читатель
155 The Reader

В сороковом году
The Year 1940

156 «Когда погребают эпоху...»
157 "These days, when an epoch goes down..."

156 Лондонцам
157 To the People of London

158 «Но я предупреждаю вас...»
159 "Now, let me warn you..."

Ветер войны
Winds of War

158 Клятва
159 A Vow

160 Первый дальнобойный в Ленинграде
161 The First Shelling of Leningrad

160 Мужество
161 Courage

162 «Постучись кулачком — я открою...»
163 "Knock with your little fist, and I'll open..."

162 Nox. Статуя «Ночь» в Летнем саду
163 Nox. The Statue of Night in the Summer Gardens

164 «А вы, мои друзья последнего призыва!..»
165 "And you, my comrades of the last call-up!.."

Луна в зените. Ташкент. 1942-1944
High Moon. Tashkent 1942-1944

164 «Заснуть огорченной...»
165 "To fall asleep cast down..."

164 «С грозных ли площадей Ленинграда...»
165 "Did you send me this cool evening air..."

166 «И в памяти, словно в узорной укладке...»
167 "My memory, like an antique casket, holds..."

166 «Третью весну встречаю вдали...»
167 "It is my third spring away..."

Вереница четверостиший
A String of Quatrains

166 «Что войны, что чума? — конец им виден скорый...»
167 "And what are wars and plagues?.. They'll end tomorrow..."

168 «Ржавеет золото, и истлевает сталь...»
169 "Gold tarnishes, and marble falls to dust..."

168 К стихам
169 To Verse

168 Имя
169 My Name

168 «И было сердцу ничего не надо...»
169 "My heart was full, without a single care..."

170 «О своем я уже не заплачу...»
171 "Not for me, to lament my ill luck..."

Cinque
Cinque

170 «Как у облака на краю...»
171 "Like a walk by the edge of a cloud..."

172 «Истлевают звуки в эфире...»
173 "Sounds are fading away in the ether..."

172 «Я не любила с давних дней...»
173 "Since early days, I've never liked..."

172 «Знаешь сам, что не стану славить...»
173 "You know well I will not glorify..."

174 «Не дышали мы сонными маками...»
175 "No somniferous poppies we breathed..."

Шиповник цветет. Из сожженной тетради
Eglantine in Bloom. From a Burnt Notebook

174 Сожженная тетрадь
175 A Burnt Notebook

176 Наяву
177 Awake

176 Во сне
177 Asleep

176 «По той дороге, где Донской...»
177 "Along the highway to the Don..."

178 «Ты выдумал меня. Такой на свете нет...»
179 "You have invented me. There's no one, not a soul..."

178 «Пусть кто-то еще отдыхает на юге...»
179 "Let someone enjoy southern skies fresh and clear..."

180 «Один идет прямым путем...»
181 "One will along a straight path go..."

180 «И сердце то уже не отзовется...»
181 "Your heart will never hear my heart..."

182 «Вот она, плодоносная осень!..»
183 "At long last, fruitful autumn is here..."

НЕЧЕТ
ODD NUMBER

184 Приморский сонет
185 Sonnet by the Sea

184 Музыка
185 Music

186 Летний сад
187 The Summer Gardens

Городу Пушкина
To the City of Pushkin

188 «О, горе мне! Они тебя сожгли...»
189 "Woe is me! They've burned you to the ground!.."

188 «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»
189 "In a day long past the leaves of that willow-tree withered..."

188 «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»
189 "How madly in love we were both on that night..."

Памяти поэта
To the Memory of a Poet

190 «Умолк вчера неповторимый голос...»
191 "A voice ineffable's no more..."

192 Родная земля
193 Native Land

192 Комаровские наброски
193 Sketches Done at Komarovo

194 Памяти В. С. Срезневской
195 To the Memory of V. S. Sreznevskaya

СТИХИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ АВТОРА
POSTHUMOUSLY PUBLISHED VERSE

196 «Как вышедший из западных ворот...»
197 "One leaving eastern gates and going round the world..."

196 «Дьявол не выдал. Мне все удалось...»
197 "Satan was as good as his word. I fared well..."

196 «Соседка из жалости — два квартала...»
197 "A neighbour from pity will walk a few blocks..."

198 «И осталось из всего земного...»
199 "Now of all the plenty of this world..."

198 «Какая есть. Желаю вам другую...»
199 "I'm as I am. So I'll just wish you well..."

200 «Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама...»
201 "If you are death, tell me—why are you crying yourself?.."

200 «Глаза не свожу с горизонта...»
201 "Eyes riveted to the far skyline..."

202 «Когда я называю по привычке...»
203 "When I, by force of habit..."

202 "De profundis... Мое поколенье..."
203 "De profundis... Yes, my generation..."

202 «От странной лирики, где каждый шаг — секрет...»
203 "There is apparently no more escape for me..."

204 Причитание
205 A Lament

204 «И увидел месяц лукавый...»
205 "The sly moon, by the shadow frame..."

204 «Особенных претензий не имею...»
205 "Let me explain I have no special claim..."

206 «Не повторяй — душа твоя богата...»
207 "Do not repeat what someone else has said..."

206 «Пусть мой корабль пошел на дно...»
207 "All that is so: my ship's gone down..."

206 «Забудут? — Вот чем удивили!..»
207 "I'll be forgotten? That is really nothing..."

208 «Не мудрено, что не веселым звоном...»
209 "Why wonder that at moments my poor lines..."

208 «Опять проходит полонез Шопена...»
209 "Again, the sounds of Chopin's polonaise..."

210 «Непогребенных всех — я хоронила их...»
211 "I buried all who had no proper burial..."

210 «Недуг томит три месяца в постели...»
211 "Three months I've stayed in bed wracked by disease..."

210 Надпись на книге
211 An Inscription on a Flyleaf

212 Скорость
213 Speed

212 «Я давно не верю в телефоны...»
213 "I do not believe in telephones..."

212 «Хвалы эти мне не по чину...»
213 "I hardly deserve all these praises..."

Из набросков
From Rough Sketches

214 «И это могла, и то бы могла...»
215 "I could have done this, and that I could have done..."

214 «Прав, что не взял меня с собою...»
215 "No, you did not take me along..."

216 Выход книги
217 Publication of a Book

218 Еще об этом лете. Отрывок
219 Once More About That Summer. An excerpt

218 Через 23 года
219 Twenty-Three Years Later

220 «И было этим летом так отрадно...»
221 "That summer found me drawing blessed comfort..."

220 «Все в Москве пропитано стихами...»
221 "Moscow is with poems impregnated..."

222 В Сочельник (24 декабря). Последний день в Риме
223 Christmas Eve (24th December). The Last Day in Rome

222 «Пусть даже вылета мне нет...»
223 "Although of bonds I can't break free..."

222 «А я иду, где ничего не надо...»
223 "I walk where nothing's needed or desired..."

224 «Сколько б другой мне ни выдумал пыток...»
225 "Though torments galore I endure from another..."

224 «А как музыка зазвучала...»
225 "As the orchestra struck up 'Glory!'..."

226 Реквием *(1935-1940)*
227 Requiem *(1935-1940)*

Северные элегии
Northern Elegies

242 Первая. *Предыстория*
243 First. *Prelude*

244 Вторая
245 Second

246 Третья
247 Third

248 Четвертая
249 Fourth

252 Хронология жизни и творчества А. Ахматовой
253 The Life and Works of Anna Akhmatova (A Chronology)

256 Notes

FOREWORD

The name of Anna Akhmatova is one of the few names in Russian poetry which enjoys immutable regard among readers, although the Revolution of 1917 and the subsequent social and historical changes might have seemed capable of wiping out all trace of her quiet, lyrical voice, which was in any case given to such long periods of silence.

This long-standing regard is all the more remarkable in view of the fact that there is a deep-seated tradition among Russian readers of preferring poetry of distinct and energetically expressed civic motifs. Akhmatova's poetry was never on the crest of social and political events, and in this sense it cannot be compared with the voice of Mayakovsky, nor even with the more kindred works of Alexander Blok, who dedicated to the Revolution the final surge of his poetical spirit.

But the circle of readers and admirers of the poetry of Akhmatova, a poetess quite accustomed to acclaim from a fairly early age, has grown immeasurably in recent years. This is attested to by the number of books of her poetry printed and—instantly—sold, as well as by the amount of space in periodicals devoted to the verse of her later years.

For the reader, Akhmatova's name is synonymous above all with the lyrics of love. Indeed, the theme of love in all its various, often dramatic, shades is the most strongly developed theme in her poetry. We still to this day talk about this particular theme, in regard to the widest range of poets, appealing, as it were, for condescension towards it. And yet this very theme forms the basis of the vast majority of the world's lyric poetry. And, as the revolutionary and philosopher Nikolai Chernyshevsky once pointed out, global problems are not what make people drown or shoot themselves, while the poetry of the heart has as much right to exist and be read as poetry of reason and thought. Anything which is of such great importance to one individual, often even determines his fate by ruining him entirely or rewarding him with the highest human happiness, cannot but be of the keenest interest to all.

The presentiment and birth of love, love's trials, the memory of love, its irrevocable loss, repentance and vows—these are just a small sample of the poetical motifs on the theme of love; and none of these motifs are discoveries which can be put to Anna Akhmatova's name. The particular feature of her work is

perhaps simply that the lyrical hero of her miniature poetical novellas was not "he", as had been predominantly the case in classical lyrics, but rather "she", a woman in love, a woman bearing the burden of unrequited or lost love, a woman with her specifically womanly "memory of the heart". But Akhmatova's verse is not at all in that class of feminine poetry where the basic feature is a limitation of both reason and feeling.

Akhmatova's poetry does not "play with" feelings, it is free of affectedness, petty anxieties, flirtations, feckless jealousy and vanity, and spiritual egoism. It is, moreover, untouched by even a shadow of triviality, that many-sided and most terrible enemy of love poetry—vastly different, incidentally, from the outpourings of many young modern poets, both male and female. For Akhmatova, love was not an idle caprice, and not just a tribute to age or senseless passion; it was, rather, filled with a deep spiritual significance, it was a measure of personality, an irreplaceable and exalting "duty" of the human heart, and it was forthright in its intolerance and indivisibility.

On this Earth each one of us
Should feel the torment of true love.
I light my candle by the window
And yearn at dawn for no one's touch;
But I do not want, I do not want
To know another's being kissed...

(*To the Muse*, 1911)

Akhmatova's poetry is, above all, authenticity and true feelings, it is a poetry distinctive for an unusual concentration and exaction in its moral basis. And, incidentally, it can in no way be called exclusively the poetry of the heart. All in all, it is the lyrical diary of a person who has thought and felt a great deal in a complex and majestic age, although that age has not been reflected in the diary in all its significance.

Akhmatova's central and inescapable theme—love—was complicated and enriched, long before the cooling wisdom of maturer years, by the other "duty" of her life, her vocation as a poet. Poetry for her was the highest court, where even the reckless power of youth's feelings of love must submit. A poet's contact with his muse was a requirement no less powerful than love, a value no lower.

When in the night hour I wait her coming
It seems to me my life hangs by a thread.

Youth, honours, liberty all shrink to nothing
When my dear visitor pipes by my bed...

(*The Muse*, 1924)

Only in the light of poetry can love attain its true essence, can it become something immeasurably higher than it would be on its own, and only in poetry does it no longer contradict the omnipresent and indisputable "delights of a sweet life". In this, perhaps, is the secret of attraction in Akhmatova's verse—she was so much in love with life itself, and she was so uncommonly human.

The characteristic features of Anna Akhmatova's poetical skills were also determined by a high moral code, being marked by a noble laconism and a terse use of language where, behind an apparently miserly volume of words, there lived the possibility of much finesse and wide nuances.

Much can be said specifically about the many remarkable features of Akhmatova's poetical skills: about her fine sense of Russian nature, her perfect pitch for the intonations of her native language, her irresistible psychological accuracy in the expression of spiritual impulses, her complex simplicity, the natural ease and freedom of intonation in her verses, and her special confiding tone in her poetical confessions, winning over her reader, the invisible friendship with whom she valued more highly than all else.

Our life on this Earth is soon over,
And narrow—the round of our cares;
But he is unchanging and timeless—
The friend whom the poet never meets...

(*The Reader*, 1959)

And her language is certainly a living, often ordinary and everyday, language, as though even deliberately prosaic.

The twenty-first of... Midnight... Monday.
Rooftops hidden in the gloom above.
To think that some idler went and invented
That there's such a thing in the world as love!

(1917)

Despite all the individuality of her style and all the much closer influences of her younger years, Akhmatova learnt her

poetry from the traditions of Pushkin, a tradition which has produced so many and such various masters of Russian poetry. And the emotional power of Akhmatova's verses has had, and continues to have, a noticeable influence on the diverse development of Russian poetry, especially on the work of women poets, both young and old.

Akhmatova rarely approached openly social and political themes, but when she did, then she did not lower her requirements of the poetic word, and she remained true to herself in the depth of her sincerity and in the dignity of her incorruptible talent.

In 1917 there was disarray and confusion in that part of the Russian artistic intelligentsia who understood but little of the Revolution; there were wailings about the inevitable end of Russian culture, and there were calls for all Russian intellectuals to quit their native land.

Akhmatova's often quoted poem of 1917, "I heard a voice...", gave an unambiguous rebuke to the "unseemly phrases" which profaned the "soul in grief and tears" of a true daughter of Russia who could not even imagine a life beyond her native shores.

And then in 1942, when Nazi Germany invaded Soviet territory and all fronts in the war were in dire straits, there sounded an unshakable faith in, and an unerring devotion to her native land, in her poem "Courage".

Anna Akhmatova's verses are an integral part of Russian national culture.

Alexander Tvardovsky

Translated by Graham Whittaker

ABOUT MYSELF IN BRIEF

I was born on June 11 (June 23, Old Style), 1889 near Odessa (Bolshoi Fontan). My father was at the time a retired engineering officer of the Russian Navy. At the age of one, I was taken to the north, to Tsarskoye Selo,* where I lived till the age of sixteen.

My first memories are of the damp, green grandeur of the parks, the common where Nurse took me for walks, the racecourse where little bright-coloured horses galloped, the old railway station, and some other things that later formed part of the "Ode to Tsarskoye Selo".

I spent the summers near Sevastopol, on the beaches of Streletskaya Bay; there, I made friends with the sea. The strongest impression of those years was ancient Chersonesus near which we lived.

I learnt to read from Lev Tolstoy's ABC-book. At five, I began to speak French, repeating what was said during the elder children's lessons with their teacher.

I wrote my first poem at eleven. For me, poetry did not begin with Pushkin or Lermontov but with Derzhavin ("On the Birth of a Porphyrogene Child") and Nekrasov ("Father Frost the Red Nose"). My mother knew those poems by heart.

I went to the Tsarskoye Selo classical school for girls. I was bad at my lessons at first and considerably improved later, but was never a diligent pupil.

In 1905 my parents separated, and Mother took us children to the south. We spent a whole year at Evpatoria, where I was tutored in the subjects of the last-but-one form of the classical school, pined for Tsarskoye Selo and wrote countless helpless poems. Mute echoes of the 1905 Revolution reached Evpatoria, then cut off from the entire world. During my last school year, I attended the

Fundukleyev establishment in Kiev, which I finished in 1907.

I entered the Department of Law at the Higher Courses for Women in Kiev. As long as we studied the history of law and especially Latin, I was quite content, but when we proceeded to purely legal subjects, my enthusiasm for the Courses cooled off.

In 1910 (on 25 April, Old Style), I married Nikolai Gumilyov, and we went to Paris for our honeymoon.

The construction of the new boulevards across Paris's living body (described by Zola) had not yet been completed (Boulevard Raspail). Werner, Edison's friend, pointed out to me two tables at the Taverne de Panthéon, saying, "These are your Social Democrats, Bolsheviks here and Mensheviks over there." The women were trying to wear, with varying success, now trousers *(jupes-culottes),* now what looked like bandages round their legs *(jupes-entravées).* Poetry was completely neglected, volumes of verse were only bought for the sake of vignettes by more or less well-known artists. I realised already at that time that Paris painting had gobbled up French poetry.

On moving to St Petersburg, I studied at Rayev's Higher Historico-Literary Courses. At that time I was already writing poems that later formed my first book.

When I was shown the proofs of Innokenty Annensky's *Cypress Casket,* I felt overwhelmed; I read it through, oblivious to all.

In 1910, the crisis of Symbolism became obvious, and beginners in poetry no longer joined that trend. Some went in for Futurism, others, for Acmeism. I became an Acmeist, along with my comrades of the First Workshop of Poets—Mandelshtam, Zenkevich and Narbut.

I spent the spring of 1911 in Paris, where I witnessed the first triumphs of the Russian ballet. In 1912, I travelled through Northern Italy (Genoa, Piza, Florence, Bologna, Padua, Venice). My impressions of Italian painting and architecture were fantastic; they were like a dream one remembers all one's life.

In 1912, *Evening*, the first collection of my poems, appeared. Only 300 copies were printed. The critics received it favourably.

On October 1, 1912, my only son Lev was born.

March 1914 saw the appearance of my second book, *The Rosary*. It was destined to live some six weeks. In early May, the St Petersburg season drew to a close, everyone was leaving. This time, separation from St Petersburg proved to be for good. We did not return to St Petersburg but to Petrograd; from the 19th century, we stepped into the 20th; everything was different now, even the very look of the city. One would have thought that a slim volume of love lyrics by a beginner would sink in the whirlpool of world events. That was not the way things turned out, though.

I spent my summers in what was used to be the Province of Tver, in a place 15 kilometres from Bezhetsk. The surroundings are not picturesque: tidy squares of ploughfields laid out among hills, mills, marshes, drained marshes and cornfields wherever you looked. Many poems of *Rosary* and *A White Birds' Flight* were written there. *A White Birds' Flight* was published in September 1917.

Both readers and critics have been unjust to that book. It is believed that it was not so great a success as *Rosary*. But it appeared under circumstances that were even more perilous than before. Transport was coming to a standstill; the book could not be sent even to Moscow, it was all sold in Petrograd. Magazines were closed, and newspapers, too. That was the reason why *A White Birds' Flight*, unlike *Rosary*, did not have a noisy press. Famine and devastation spread with each passing day. Strangely, all these circumstances are now ignored.

After the October Revolution, I worked at the library of the Agronomy Institute. In 1921, another collection of my poems, *The Plantain*, appeared, and in 1922, *Anno Domini*.

Starting with the mid 1920s, I applied myself, with great interest, to the study of the architecture of old St Petersburg and of Pushkin's life and work. My research in

Pushkin resulted in three papers: on "The Golden Cockerel", on Benjamin Constant's "Adolphe", and on "The Stone Guest." All these papers were published in the time.

The works "Alexandrina", "Pushkin and the Nevan Coast", and "Pushkin in 1828", which have occupied me for the last twenty years, will most likely become part of the book *The Death of Pushkin* <...>

I lived in Leningrad, when the Patriotic War of 1941 began. Late in September, during the siege already, I flew to Moscow.

Until May 1944 I lived in Tashkent, eagerly awaiting snippets of news about Leningrad and the front. Just as other poets, I often recited my verse to wounded soldiers at hospitals. In Tashkent, I learnt for the first time what the shade of trees and the sound of running water meant in scorching heat. I also learnt the true worth of human kindness—it was a time of long, grave illness for me.

In May 1944, I came by plane to spring Moscow already full of joyous hope and expectation of close victory. In June, I returned to Leningrad.

Shattered by the terrible phantom that pretended to be my city, I described my first meeting with it in prose. It was also at that time that I wrote the essays "Three Lilacs" and "Visiting with Death"—this last one about reciting verse at the front near Terioki. Prose had always seemed to me a mystery and a lure. I knew all about verse from the very beginning, and nothing about prose. My first essay was highly praised, but I did not believe anyone, of course. I called in Zoshchenko. He told me to prune a few things and said that the rest was OK. I was overjoyed <...>

I have long been interested in problems of poetic translation. In the postwar years, I translated a great deal. At present, I also do translations.

In 1962, I finished *A Poem Without a Hero,* which I had been writing for 22 years.

Last winter, on the eve of the Dante anniversary, I

heard again the sound of Italian speech—I visited Rome and Sicily. In the spring of 1965 I went to the land of Shakespeare, I saw the skies of Britain and the Atlantic, I also saw my old friends and made new acquaintances, and visited Paris again.

I never stopped writing verse. Poems are my link with the times, with the new life of my people. When I wrote them, I lived the rhythms that I discerned in the heroic history of my native land. I am happy to have lived in those years and to have seen events unparalleled at any time.

1965 *Translated by Sergei Roy*

Из книги «ВЕЧЕР»

1912

LA FLEUR DES VIGNES POUSSE,
ET J'AI VINGT ANS CE SOIR.

André Theuriet *

ЛЮБОВЬ

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует.

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно её угадать
В ещё незнакомой улыбке.

24 ноября 1911
Царское Село

---

* Цветок виноградных лоз растет, и мне двадцать лет сегодня вечером. Андре Тёрье (франц.).— Ред.

From the book EVENING

1912

LA FLEUR DES VIGNES POUSSE,
ET J'AI VINGT ANS CE SOIR.

*André Theuriet**

LOVE

It snakes into your heart and, coiling up,
Its poison works with subtle skill,
Or else it coos the whole day as the dove
That pecks the breadcrumbs on your window-sill.

And now it peeps out from a sleepy flower,
Or flashes suddenly in blinding rime.
But surely, stealthily it lures you farther
Away from simple joys and peace of mind.

You hear it in the violin's anguished prayer,
A plea of loneliness and sad regret.
And you're afraid to even guess it is there
In someone's smile you dare not trust as yet.

24 November, 1911
Tsarskoye Selo

Translated by Olga Shartse

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

1911

3

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

24 сентября 1911
Царское Село

IN TSARSKOYE SELO

2

Beneath that ancient maple on the ground
My marble twin* lies broken, listless,
Her face turned ever to the pond
As to the rustling leaves she listens.

And cheerful summer showers gently bathe
Her wound, on which the blood has dried.
My cold, white twin don't sorrow, wait,
I, too, shall turn to marble when I die.

1911

Translated by Olga Shartse

3

The swarthy youth* walked here at leisure,
Beside this pond he dreamed and read.
Since then we reverently treasure
The lingering whisper of his tread.

Pine needles, as before, are shed
Upon the stumps where it may be
He dropped his tricorn once, and laid
His dog-eared volume of Parny.

24 September, 1911
Tsarskoye Selo *Translated by Olga Shartse*

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Всё, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

8 января 1911
Киев

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Behind my shawl my hands I clutched.
Why do I look so pale tonight?
Because I made him drink too much
Of hopeless grief, a bitter wine.

Can I forget? He walked out swaying,
His mouth a twisted line of pain.
I flew downstairs at once insanely,
And after him ran down the lane.

I shouted: "I was joking, truly!
Don't leave me, or I'll die!" And he,
He smiled so frighteningly, so coolly,
And told me: "Don't stand in the wind."

8 January, 1911
Kiev

Translated by Olga Shartse

Door half-open. Linden
Blossom scents the air.
Whip and glove forgotten
On the secretaire.

Ring of lamplight... Evening
Rustles come and go.
Now you chose to leave me—
Why? I do not know...

Day will dawn tomorrow
Gay with sparkling skies.
Life is joy, not sorrow.
Heart of mine, be wise!

Ты совсем устало.
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

17 февраля 1911
Царское Село

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕЙ ВСТРЕЧИ

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!

Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

29 сентября 1911
Царское Село

You are quite exhausted,
Beating ever less...
Yet I'm told immortal
Life our souls possess.

1911
Tsarskoye Selo *Translated by Peter Tempest*

SONG OF A LAST MEETING

Though I stepped o'er the threshold lightly,
At my heart icy fingers clawed,
And the glove I wore on my right hand
On my left hand belonged, I saw.

Steps ... so many, they left me panting,
But I knew there were only three.
From the maples there came a plaintive
Whisper autumnal: "Die with me!

"I'm betrayed by my bleak, my changeful,
By my mischievous fate..." "I too!"
I replied. "O my love, my angel,
I will die, I will die with you..."

One last song, song of one last meeting...
Dark the house ... I looked up, went on.
In the bedroom window a fleeting
Yellow light impassively shone.

29 September, 1911
Tsarskoye Selo *Translated by Irina Zheleznova*

ПЕСЕНКА

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю—
Пусть простит меня.
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

11 марта 1911
Царское Село

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

SIMPLE TUNE

Before dawn up and about,
I sing of love's bliss.
From the black earth I pull out
Goosefoot on my knees.

Weeds and grass I pull and tear
Though I mean no offence.
There's a barefoot girlie there
Crying near the fence.

Now I fear the ringing yells
Of grief and alarm.
How the wilted goosefoot smells—
Dead but strong and warm.

How I dread that stone not bread
My reward will be.
Nothing but the sky overhead.
Nothing but your voice with me.

11 March, 1911
Tsarskoye Selo *Translated by Sergei Roy*

GREY-EYED KING

Blest be the pain, with me to abide!
The king, my grey-eyed king, has died.

The evening was close, and the sunset burnt red,
My husband came home, and so calmly he said:

"He had been out hunting, his body was found
Under that ancient old oak on the ground.

"I pity the Queen in her terrible plight:
A woman so young, she turned grey overnight."

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

11 декабря 1910
Царское Село

РЫБАК

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочут крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их протянутой рукой.
Всё сильней биенье крови
В теле, раненном тоской.

23 апреля 1911

He picked up his pipe and his pouch and was gone
On night watch as always. And now I'm alone.

My daughter I'll go up and waken at once,
And in those beloved grey eyes I shall glance...

Outside, the trees are whispering: "Never
Your king you'll see, he's gone forever..."

11 December, 1910
Tsarskoye Selo

Translated by Olga Shartse

*THE FISHERMAN**

Bared to the elbow are his arms,
The neck of his coarse blue shirt is open,
The strong and pungent smell of tar
Becoming him as does his sunburn.

Bluer his eyes than ice on the river,
In truth, a beauty of a man!
The fisherwomen, all a-dither,
Just sigh and blush when he's around.

Even the girl-child, leggy and tall,
Who sells her catch in town for a living,
Wanders about like a poor lost soul
On the spit, deserted in the evening.

Pale is her face, and limp her hands,
Her languid gaze to all is blind.
The crabs come crawling from the sand,
And, tickling, over her feet they climb.

She does not catch them any longer,
Though they are there just for the taking,
The blood throbs ever louder, stronger,
In all her veins, with longing aching.

23 April, 1911

Translated by Olga Shartse

Молюсь оконному лучу —
Он бледен, тонок, прям.
Сегодня я с утра молчу,
А сердце — пополам.
На рукомойнике моем
Позеленела медь,
Но так играет луч на нем,
Что весело глядеть.
Такой невинный и простой
В вечерней тишине,
Но в этой храмине пустой
Он словно праздник золотой
И утешенье мне.

1909

ЧИТАЯ «ГАМЛЕТА»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь.
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

1909
Киев

I bless the sunbeam in my window,
A thin, pale light, it shines so true!
No word I've spoken since this morning,
For broken is my heart in two.
My old and tarnished copper washstand
Has with verdigris grown quite green,
But when the sunbeam plays upon it
It really is a joy to see.
Here, in this empty room of mine,
That washstand, innocent and plain,
Is like a festive, golden shrine,
To comfort me and ease my pain.

1909

Translated by Olga Shartse

READING HAMLET

1

The waste to the right of the graves lies dead,
While the river beyond gleams blue and cool.
"Get thee to a nunnery, go," you said
"Or if thou wilt needs marry, marry a fool."
Princes are prone to say things such as these,
But that speech of his I'll remember always,
And so may it stream for thousands of years
Like an ermine cloak from his princely shoulders.

1909
Kiev

Translated by Olga Shartse

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных — огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда сквозь волны фимиама
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

And when, our passions roused to white-hot rage,
We wished each other dead and worse,
We little knew how small a place
The world could be for two, for us.
How vicious are the stabs of memory—
That cruel torture for the strong—
When in abysmal night they hector you:
Gone is your lover, gone, he's gone!
And when, rejoicing, threatening and warning,
Through waves of incense bursts the choir out
The eyes you can't escape look sternly
And straight into your shrinking heart.

1909

Translated by Olga Shartse

Из книги «ЧЁТКИ»

1914

ПРОСТИ Ж НАВЕК! НО ЗНАЙ,
ЧТО ДВУХ ВИНОВНЫХ,
НЕ ОДНОГО, НАЙДУТСЯ ИМЕНА
В СТИХАХ МОИХ,
В ПРЕДАНИЯХ ЛЮБОВНЫХ.

Баратынский

СМЯТЕНИЕ

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его — как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился — он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,

From the book ROSARY

1914

GOODBYE FOREVER THEN, BUT KNOW THAT IN MY TALES OF LOVE, MY POEMS, I'M NAMING TWO WHO ARE TO BLAME, NOT ONE ALONE.

Baratynsky

CONFUSION

1

How breathe in that searing light?
His glances were piercing beams.
I only started in fright:
That man can enslave me. He leaned
Down to me—no words yet spoken.
The blood from my face drained away.
So what, if love like a gravestone
My life is to overlay?

2

You won't look at me, you don't love me,
Oh, damn you, how handsome you are!
A child I had wings, but no longer,
I'm bound to the earth, I can't soar.
A mist films my vision for me,
All objects and faces are blurred,
The red tulip's all I can see,
The flower in your buttonhole.

3

For politeness' sake you came up to me,
Your smile so urbane and bland.

Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...

Десять лет замираний и криков,
Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его — напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

1913

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюдце устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!» —
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных,
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

Somewhat lazily and half-tenderly
With your lips you touched my hand.
Your mysterious eyes of an icon saint
For a moment looked into mine.

Ten long years of seering pain,
Sleepless nights, dreams sublime,
I tried to put into one word,
And whispered it in vain.
You walked away. My world
Was empty and clear once again.

1913

Translated by Olga Shartse

EVENING

Grief inexpressible was in
The strings' untiring twang and chatter.
Fresh oysters, waiting on a platter,
Smelled pungently of salt and brine.

He said: "I am your friend." And as
He said it, touched my sleeve. How chary
Of warmth those fingers were, how very
Far was their touch from a caress.

So cats and birds are petted, eyed
So is a circus rider slender.
A smile, one gay and almost tender,
Beneath his sandy lashes hid.

Behind the screen of smoke, a burst
Of music came, the fiddles shivered:
Bless God and thank him for this tryst,
Your very first with your beloved.

March 1913

Translated by Irina Zheleznova

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться ещё стройней.

Навсегда забиты окошки.
Что там — изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах, не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.

We are all of us drunkards and harlots,*
And we don't make a happy crowd.
On the walls the painted parrots*
Are moping on plump white clouds.

A strange little pipe you are smoking,
The smoke has a curious scent.
My skirt fits tight like a stocking,
My slimness to stress it is meant.

The shutters have all been nailed down,
Is it raining or snowing or what?
In your face there is something feline,
Yours the eyes of a wary cat.

Oh, the anguish that fills my heart!
Is it for me tolls the bell?
That woman who's dancing, that tart,
She'll certainly end up in hell.

1 January, 1913

Translated by Olga Shartse

It was lovely sitting at the hearth
After all those hours in the open.
Too content was I to watch my heart,
And, before I knew it, it was stolen.

Long and lavish was that New Year feast,
On the table—fresh cut, dewy roses...
And the butterfly flutterings in my breast
I was too enchanted then to notice.

Who the thief was in that cosy room
I could guess at once, just from his eyes.

Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Январь 1914

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле,
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

1912
Царское Село

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

Декабрь 1913
Царское Село

But what frightened me was that too soon
He himself might want to shed his prize.

January 1914

Translated by Olga Shartse

My eyes plead for mercy humbly,
But what can I do, I'm defenceless
When somebody suddenly utters
His short, startling name in my presence.

I walk past some grey stacked logs
Along a narrow clearing.
A fresh, erratic wind blows,
Vernally and freely.

And my heart hears in that breeze
News from afar, and it's bad.
He is alive, he breathes,
But how dare he not feel sad!

1912
Tsarskoye Selo *Translated by Olga Shartse*

True tenderness can't be mixed up
With anything else, and it's meek.
In vain you so carefully wrap
A fur round my shoulders and neck.

No more of this. Please, not a word
Of first love, and no humble sighs.
I know only too well that hard,
That hungry look in your eyes!

December 1913
Tsarskoye Selo *Translated by Sergei Roy*

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.

Всё равно, что ты наглый и злой,
Всё равно, что ты любишь других.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

1913

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану — Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый.
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебнике дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво.
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

1913

There's a smile I have;* rather, a mere
Flicker, passing before the lips move;
And I save it for you, my love:
It is love's gift to me and from me.

You are arrogant, bad—I don't care.
I don't care you've loved others, and lied.
Towards the altar I'm walking on air
With my grey-eyed bride-groom at my side.

1913

Translated by Sergei Roy

Requests galore a loved woman has,
But one who is no longer loved has none.
I'm glad that underneath the film of ice
The freezing water's slowing down its run.

And I shall stand—O Christ, sustain me!—
On that precarious, sparkling crust.
Keep safe our letters, so posterity
Can judgment pass on both of us.

So they will see you, brave and wise and candid,
As clearly and as truly as can be.
Because we can't leave any blank spots, can we,
In your so glorious biography!

Too sweet the potion of our earthly joys,
Too tight the snares of love in which we're caught...
But let my name be known to girls and boys
At school when literature they are taught.

And let them smile with archness or humility
When this sad story of my life they've read.
No love you gave me, no tranquility,
Make me a gift of bitter fame instead...

1913

Translated by Olga Shartse

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводненья в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине — нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш,
А как подарок божий — так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

The last rendezvous we had, he and I,
On the Neva embankment where we always met.
The water had risen so very high
That flood had become an imminent threat.

He spoke of summer, he said for a woman
To be a poet was too silly for words.
My memory of the view is so poignantly moving—
The tsar's lofty mansion, the Fortress* across...

And because the air was not like ours,
It was so wonderful—a gift divine,
Words came to me in that magic hour
For the last of those crazy songs of mine.

January 1914

Translated by Olga Shartse

A simple way of life I've learned and wise:
To watch the sky, and pray to God, and daily,
To tire distress, with promptitude unfailing
Take long, long walks before the evening dies.

When burdocks stir and sigh in the ravine
And rowans droop and bow their branches meekly,
I make up cheerful verses and serene
Of life, sweet life that passes all too quickly.

At home, the cat licks at my hand and fills
The quiet room with pleased and happy purring.
Up in the tower of the sawing mill
A single bright and steady light is burning.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

1912

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господа моля,
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

Осень 1913

Вижу выцветший флаг над таможней
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

A stork nests on the roof; its cry is queer
And rends the pregnant hush, deep and bewitching.
If at my door you knock, I will not hear:
The sound will die away and never reach me.

1912

Translated by Irina Zheleznova

In solitude, you know, I languish
And make a wish for death my prayer.
Yet from my thoughts I cannot banish
The meagre countryside of Tver.*

An ancient well with sloping draw-pole
Beneath a puff of snow-white cloud,
The creaking gate in fields where corn grows,
Fresh loaves—and heartache unavowed.

Those pastel plains where wind is muffled
And haze to mute all hues contrives,
The damning gaze of those unruffled
And weatherbeaten country wives.

Autumn of 1913

Translated by Peter Tempest

I see the faded Customs House flag,
The yellow haze over Sevastopol,
And fretfully my heartbeats start to drag,
A lump already rises in my throat.

I wish I were that seaside minx again
Who thrilled to the romantic songs she sang,
Went barefoot, save for sandals, yet took pains
To pin her braids up in a sort of diadem.

Всё глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Осень 1913

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь,
Божья благодать.

А у нас — светлых глаз
Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

The Chersonese* church's swarthy domes
I'd feast my eyes upon, and never guess
How hopelessly senile a heart becomes
Before its time from fame and happiness.

Autumn of 1913

Translated by Olga Shartse

A difficult youth You gave me, O Lord,
Too many the sorrows I had to endure,
So how can I bring You a rich, splendid soul
When mine is so lowly, so wretchedly poor?
Good fortune will sing You loud songs of glory,
Flattering paean upon flattering paean,
But I am, O Lord, Your hapless servant,
Neglectful and stinting in praise I have been.
Not a rose, nor even a blade of grass
I shall be in our Father's flowering vale.
The tiniest trifle I take close to heart,
And every word uttered by fools makes me quail.

19 December, 1912

Translated by Olga Shartse

I shall not drink wine with you tonight.
Why? Because you're such a mischievous boy.
I know well: where you come from, it's all right
By the moonlight to kiss any sweet kid's mouth.

Ours, though, is a quiet place—
It's all peace and the Lord's good grace.

Maidens fair
Never dare
Their clear eyes to raise.

December 1913

Translated by Sergei Roy

СТИХИ О ПЕТЕРБУРГЕ

1

Вновь Исакий в облаченьи
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпеньи
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес,—

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий—
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера,—
Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

VERSES ABOUT ST PETERSBURG

1

Again St Isaac's* is enrobed
In molten silver vestments,
And on the bank tsar Peter's horse*
Rears wrathful, chilled and restless.

The wind, so harsh it's hard to breathe,
The soot sweeps from the chimneys.
The Emperor is much displeased
With this new capital of his.

2

My heart beats evenly and calmly,
May long the years be, I don't care!
For in Galernaya, in the archway,*
Our shadows always will stay there.

I close my eyes, we are together,
I see you clearly: there we stand,
You are beside me, and forever
You will be holding my closed fan.

And so, because we stood so near,
In that rare moment of sheer magic
When rosily the moon appeared
Above the shadowed Summer Gardens,*

I do not have to wait and mope
Beside my window, stay awake
All night to dream of you and hope—
My thirst for love has been quite slaked.

So I am free. You are a free man,
Than yesterday tomorrow's better—
Here, on the dark, full-flowing Neva,
Beneath the chilly smile of Peter
Riding his horse of fiery mettle.

1913 *Translated by Olga Shartse*

ВЕНЕЦИЯ

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе,
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте,
И не душно в сырости и зное.

Август 1912

Александру Блоку

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Январь 1914

*VENICE**

Golden is the dove-cote by the lake,
Tender is the water melting-green,
And the restless, salty wind sweeps clean
Darkling gondola's long, narrow wake.

Quaint and tender faces in the throng,
Brightly coloured toys wherever you look:
A heraldic lion with a book *
On embroidered cushions and on stone

Painted by an ancient master's brush,
Bluish skies seem faintly stiff and dull...
But there's room to breathe in all the crush,
And no sultriness in heat and damp at all.

August 1912

Translated by Sergei Roy

To Alexander Blok

When I came to see the poet *
It was noon. The day was Sunday.
Large the room was, large and quiet;
In the street reigned frost... The sun

Was a crimson ball. Beneath it
Shaggy, dove-grey smoke went drifting...
Silent stood my host before me:
How serene, how clear his gaze!

Such his eyes that he who sees them
Even once cannot forget them.
As for me, I would be safer
Had I met them not at all.

But I will remember always
What we talked about that Sunday
In the tall grey house that towered
By the gateway to the sea.

January, 1914

Translated by Irina Zheleznova

Из книги «БЕЛАЯ СТАЯ»
1917

ГОРЮ И НОЧЬЮ ДОРОГА СВЕТЛА.

Анненский

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так что сделался каждый день
Поминальным днем,—
Начали песни слагать
О великой щедрости божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

1915

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прославлю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую—
Твою любовь и нежность продаю.

1913
Царское Село

From the book A WHITE BIRDS' FLIGHT
1917

GRIEF NEEDS NO LIGHT TO FIND ITS WAY.

Annensky

We thought we had nothing—so poor were we,
But when we began to lose things
One after another, each day
Became a remembrance day,
And we began making up songs
Of Our Lord's great bounty and grace,
And the wealth of the good old days...

1915

Translated by Sergei Roy

I'll leave your snow-white home and quiet garden
And let my life be desolate and clear.
In poetry I then shall glorify you
As I could not before, a woman mere.
And of your life I'll always be a part,
Here where for me you built a heaven.
While I'll trade in the rarest wares there are:
Your love, your tenderness, I will be selling.

1913
Tsarskoye Selo

Translated by Olga Shartse

УЕДИНЕНИЕ

Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.
Строителей ее благодарю,
Пусть их забота и печаль минует.
Отсюда раньше вижу я зарю.
Здесь солнца луч последний торжествует.
И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей,
И голубь ест из рук моих пшеницу...
А не дописанную мной страницу,
Божественно спокойна и легка,
Допишет Музы смуглая рука.

6 июня 1914
Слепнево

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помыслы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобожденье близко. Всё прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

Весна 1912

SECLUSION

So many stones I have had thrown at me
That I no longer fear them, I don't cower.
The trap in which I'm caught has suddenly
Become an eminent and slender tower,
Among the tallest towers it is tall.
I thank its builders from the heart, and may
Forever they be spared all grief and sorrows.
From here I see the sunrise first of all,
And here the parting sunrays linger longest.
Winds from the northern seas will often pay
A flying visit to me through the window,
A pigeon comes to peck seeds from my palm...
As for this page I've left unfinished, never mind,
The Muse with hand divinely light and calm
Will finish it for me, all in good time.

June 6, 1914
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

My voice is weak, but weakens not my will,
And without love I truly feel released.
Clear are the skies, the wind blows from the hills,
Immaculate my thoughts, my heart at peace.

Insomnia, my night nurse, has now gone to others,
Over the embers I don't brood in misery,
I do not watch the hour hand for my lover—
A lethal arrow it no longer seems to me.

How rapidly the past does lose its sway
Over one's heart. My liberation's nigh.
I'm all-forgiving as I watch the sunbeam play
Upon the new and moistly vernal vine...

Spring of 1912

Translated by Olga Shartse

Тяжела ты, любовная память!
Мне в дыму твоем петь и гореть,
А другим — это только пламя,
Чтоб остывшую душу греть.

Чтобы греть пресыщенное тело,
Им надобны слезы мои...
Для того ль я, господи, пела,
Для того ль причастилась любви!

Дай мне выпить такой отравы,
Чтобы сделалась я немой,
И мою бесславную славу
Осиянным забвением смой.

18 июля 1914
Слепнево

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь.
Страшна моей душе предгрозовая тишь.
Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою,
Врученным мне навек любовью и судьбою.
Я предала тебя. И это повторять —
О, если бы ты мог когда-нибудь устать!
Так мертвый говорит, убийцы сон тревожа,
Так ангел смерти ждет у рокового ложа.
Прости меня теперь. Учил прощать господь.
В недуге горестном моя томится плоть,
А вольный дух уже почиет безмятежно.
Я помню только сад, сквозной, осенний, нежный,
И крики журавлей, и черные поля...
О, как была с тобой мне сладостна земля!

Июль 1916
Слепнево

Love memories, you are so hard to bear!
Yet in your smoke I am to sing and burn.
For others you are nothing but a flare
In which their long-cooled heart they still might warm.

They need my tears, my anguish, and my pangs
To heat their sated bodies. Heavens above!
Was it for this, Good God, my songs I sang,
For this I took the sacrament of love?

Give me the kind of poison that I may
Turn mute and never raise my voice again,
And into blest oblivion wash away
My wretched and my so inglorious fame!

July 18, 1914
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

Ah, it is you again. Not as a lovelorn youth
But as a husband, bold, inflexible and stern
You come into this house and you look at me.
How dreads my heart this eerie lull before a storm!
You ask me what I've done to you, what have I done
With your whole life, your love to me entrusted.
I have betrayed you. How you do go on, and on...
Must you repeat it tirelessly, must you?
The victim says that in a nightmare to his killer,
That's how the black-winged angel at the deathbed sighs.
Forgive me now. Christ taught us to forgive the sinner.
In body I am ill, a languor over me lies.
In spirit, though, I am already free again.
All I remember is the garden, wistful, bare,
The blackness of the fields, the farewell cries of cranes.
How lovely was the world when with you it was shared...

July 1916
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Апрель 1915
Царское Село

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу сил и славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы,—

Так я, господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

1913

You see me now no longer smiling,
A frosty wind my lips is stinging.
One hope the fewer now beguiles me
But one more song I have for singing.
And this song too I shall surrender
To others' ridicule and curses:
The pain of silence makes love render
Her private grief in public verses.

April 1915
Tsarskoye Selo

Translated by Peter Tempest

I prayed so hard: "O Lord, appease
My thirst for song to glorify Thee!"
But earthmen cannot be released
From earthly things, and never could be.

Like sacrificial smoke that cannot rise
Up to the throne of Might and Glory,
And at the foot abjectly lies
The grasses kissing prayerfully,

Prostrate I lie before Thy might.
The heavenly fire I shall feel
Upon my eyes to give me sight,
And wondrously my lips unseal!

1913

Translated by Olga Shartse

Н.В.Н.

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти,—
Пусть в жуткой тишине сливаются уста
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достигшие — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Май 1915
Петербург

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, что живописцу — зренье,
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?

Но не пытайся для себя хранить
Тебе дарованное небесами:
Осуждены — и это знаем сами —
Мы расточать, а не копить.

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы.

23 июня 1915
Слепнево

To N.V.N.*

In intimacy there's a sacred verge
Not to be crossed by fondness or by passion
Though love brings lips in silent awe to merge
And tears the heart asunder in sure fashion.

Here friendship's powerless, as are the years
Of soaring happiness, of blazing ardour,
Of freedom when the heart a bold course steers
Away from sensuality's dull harbour.

Those who aspire to reach this verge are mad,
And those who reach it are by anguish stricken...
You know now why it is beneath your hand
You cannot feel the beat of my heart quicken.

May 1915
St Petersburg

Translated by Peter Tempest

For us to lose our words' and feelings' freshness*
Is much the same as for a lovely woman
To lose her beauty, for a painter—eyesight,
And for an actor—voice and movement.

But do not try to keep what Providence
Has given you, for your own use alone:
We're doomed—and we all know it perfectly
To squander and not hoard the wealth we own.

And so, go forth and heal the sightless.
To know, when suddenly assailed by doubt,
The hurt of your own pupils' sarcasms,
And the indifference of the crowd.

23 June, 1915
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

Был блаженной моей колыбелью
Темный город у грозной реки
И торжественной брачной постелью,
Над которой держали венки
Молодые твои серафимы,—
Город, горькой любовью любимый.

Солеёю молений моих
Был ты, строгий, спокойный, туманный.
Там впервые предстал мне жених,
Указавши мой путь осиянный,
И печальная Муза моя,
Как слепую, водила меня.

1914

Под крышей промерзшей пустого жилья
Я мертвенных дней не считаю,
Читаю посланья апостолов я,
Слова псалмопевца читаю.

Но звезды синеют, но иней пушист,
И каждая встреча чудесней,—
А в Библии красный кленовый лист
Заложен на Песни Песней.

Зима 1915

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.

This sombre city on the wrathful river
My blissful cradle was and, come the day,
My marriage bed it was, with wreaths of silver,
The solemn nuptials to celebrate,
By your young seraphs held above.
My city, lovéd with a bitter love!

So stern, so calm, and wrapped in misty gloom,
You were the holy dais where I prayed.
'Twas here that I first saw my future groom
Who showed me where my true road lay.
And to my melancholy Muse I clung,
And like someone born blind was led along.

1914

Translated by Olga Shartse

Within these empty, frozen walls
The deadly black days I don't count.
I read the Epistles of Paul,
And psalms under my breath I chant.

But stars are shining, hoarfrost sparkles,
Each tryst a great wonder holds,
A crimson maple leaf, my marker,
I'm keeping at the Song of Songs.

Winter of 1915

Translated by Olga Shartse

How dark is the path in the park by the sea,*
How yellow the lamps are and bright!
I'm calm. Only please do not mention to me
His name, don't talk of him to-night.

Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

Март 1914

Ведь где-то есть простая жизнь и свет,
Прозрачный, теплый и веселый...
Там с девушкой через забор сосед
Под вечер говорит, и слышат только пчелы
Нежнейшую из всех бесед.

А мы живем торжественно и трудно
И чтим обряды наших горьких встреч,
Когда с налёту ветер безрассудный
Чуть начатую обрывает речь,—

Но ни на что не променяем пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек сияющие льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос Музы еле слышный.

23 июня 1915
Слепнево

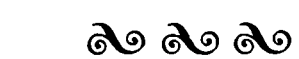
Н.В.Н.

Все мне видится Павловск холмистый,
Круглый луг, неживая вода,
Самый томный и самый тенистый,
Ведь его не забыть никогда.

You're sweet, we'll be friends, we'll take walks, you and I,
We'll kiss, and we'll age side by side.
Above us the months light as snowflakes will fly;
On, on, swiftly, smoothly they'll glide.

March 1914

Translated by Irina Zheleznova



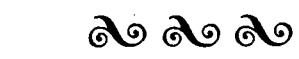
There is a simple life somewhere with simple joys,
Sincere and warm, where skies are bright and clear...
A girl slips out at dusk to meet the neighbours' boy,
Their love talk over the hedge with none but bees to hear.

And we, we live a life of pomp and circumstance,
We meet frustratingly, a ritual observed.
To finish what you have begun to say you have no chance:
A silly wind tears in and scatters thoughts and words.

Yet we would not exchange for anything in the world
Our gorgeous granite town of glory and disaster,
With its wide river under sparkling ice interred,
The sunless, gloomy, magically lovely gardens,
And with the voice of Muse, however faintly heard.

June 23, 1915
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse



To N.V.N.

Hilly Pavlovsk,* you sweetest of dreams,
Your round meadows, and still waters' sheen,
The sheer languor of shadowy streams
In my memory live ever green.

Как в ворота чугунные въедешь,
Тронет тело блаженная дрожь,
Не живешь, а ликуешь и бредишь,
Иль совсем по-иному живешь.

Поздней осенью свежий и колкий
Бродит ветер, безлюдию рад.
В белом инее черные елки
На подтаявшем снеге стоят.

И, исполненный жгучего бреда,
Милый голос как песня звучит,
И на медном плече Кифареда
Красногрудая птичка сидит.

1915
Царское Село

МАЙСКИЙ СНЕГ

Прозрачная ложится пелена
На свежий дерн и незаметно тает.
Жестокая, студеная весна
Налившиеся почки убивает.
И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.

Май 1916
Слепнево

Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармонике играть,

И, уйдя обнявшись на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы.

As at cast-iron gates* I arrive,
Blissful shiver will run over me.
It's delight and delirium, not life,
Or a life in a different key.

Late in autumn the wind wanders grim,
Glad of emptiness, prickly and fresh.
Stark black fir trees attired in white rime
Stand in snow slowly turning to slush.

And, with fiery raving imbued,
Your voice comes like a song full of hurt;
On Apollo's bronze shoulder* dark-hued
Lightly perches a red-breasted bird.

1915
Tsarskoye Selo *Translated by Sergei Roy*

SNOW IN MAY

A gauzy, silver film fell in the night
Upon the grass and melted. But the cold
That cruel spring had time to kill outright
The buds already ripened to unfold.
Oh, what a dreadful sight, this early death!
I would shut out the world, with grief I'm numb
Which regally to mankind David left
To suffer for millennia to come...

May 1916
Slepnyovo *Translated by Olga Shartse*

Ah, better I were shrilling ditties,
And you a wheezy-voiced accordion played,

We'd stroll off for the night behind the hayricks
And there I'd lose the ribbon from my braid.

Лучше б мне ребеночка твоего качать,
А тебе полтинник в сутки выручать,

И ходить на кладбище в поминальный день,
Да смотреть на белую божию сирень.

1914

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —
Так молюсь за твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Май 1915. Духов день
Петербург

Высокомерьем дух твой помрачен,
И оттого ты не познаешь света.
Ты говоришь, что вера наша — сон
И марево — столица эта.

Ты говоришь — моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.
Пускай на нас еще лежит вина,—
Всё искупить и всё исправить можно.

Вокруг тебя — и воды, и цветы.
Зачем же к нищей грешнице стучишься?
Я знаю, чем так тяжко болен ты:
Ты смерти ищешь и конца боишься.

1 января 1917
Слепнево

Ah, better I were rocking our small children,
And you were earning half-a-ruble a day.

On Parents' Day the graveyard we would visit,
And stop to sniff the lilacs on our way.

1914

Translated by Olga Shartse

A PRAYER

May grim years of grave illness distress me,
Leave me breathless, awake all night long.
Take my child, take my friend, dispossess me
Of my secret strange talent for song.
After so many days of destruction
This Communion prayer I raise
May the dark cloud now menacing Russia
Grow bright with a halo of rays.

May 1915
St Petersburg

Translated by Peter Tempest

By arrogance your spirit's dulled and swayed.
You'll never know the light because of this.
Our faith is nothing but a dream, you say,
And but a mirage, this metropolis.

You said to me, "Your country's steeped in sin."
"But yours is godless," meekly I replied.
Our guilt lies heavy with us, I concede—
Still, all can be redeemed, and all set right.

You live amid bright colours and warm seas.
Then why do you knock on this poor sinner's door?
I know what is your incurable disease:
You seek out death—and stand of death in awe.

1 January, 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

ПАМЯТИ 19 ИЮЛЯ 1914

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один:
Короткое уже кончалось лето,
Дымилось тело вспаханных равнин.

Вдруг запестрела тихая дорога,
Плач полетел, серебряно звеня...
Закрыв лицо, я умоляла бога
До первой битвы умертвить меня.

Из памяти, как груз отныне лишний,
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей — приказал всевышний
Стать страшной книгой грозовых вестей.

Лето 1916
Слепнево

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

Весна 1915
Слепнево

*IN MEMORY OF JULY 19, 1914**

We aged a hundred years in that one day,
No, not one day, in just one hour.
The ploughed-up fields relaxed and steaming lay,
And summer, brief with us, was almost over.

In sudden turmoil was our quiet road,
And weeping rang out on a silvery note.
My face I covered, and I begged the Lord
To kill me first, before a battle was fought.

Our memory discarded all its load
Of songs and passions—of no further use,
And, emptied, was made by the will of God
An austere chronicler of frightening news.

Summer of 1916
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

There are such days just before spring:
The bare, dry branches gaily ring,
The fields rest under hard-packed snow,
The wind, though taut, yet gently blows,
Your body feels so strangely light,
Your house looks so new and bright,
Songs you had tired of you sing
As new ones, and your heart they wring!

Spring of 1915
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

Я не знаю, ты жив или умер,—
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Всё тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

Лето 1915
Слепнево

That special, that fifth season,
That alone sing praises of.
Enjoy this spell of freedom,
Your last—because it's love.
The sky is so high and lofty,
So airy the silhouettes...
Your body will not be observing
Its anniversary of tristesse.

1913

Translated by Olga Shartse

Are you alive or dead, I do not know.
Can I go looking for you on this earth
Or must I reminisce when lights are low,
And weep and grieve over your early death?

It's all for you: my constant daytime praying,
The futile passion of my sleepless nights,
The love my eyes just cannot help betraying,
And all my poems too—a white birds' flight.

You're in my blood as no man ever was,
Such anguished longing no one else has brought me,
Not even he who had become my cross,
Not even he who loved and then forgot me.

Summer of 1915
Slepnyovo

Translated by Olga Shartse

Не хулил меня, не славил,
Как друзья и как враги.
Только душу мне оставил
И сказал: побереги.

И одно меня тревожит:
Если он теперь умрет,
Ведь ко мне архангел божий
За душой его придет.

Как тогда ее я спрячу,
Как от бога утаю?
Та, что так поет и плачет,
Быть должна в его раю.

Июль 1915

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.

И от лености или со скуки
Все поверили, так и живут:
Ждут свиданий, боятся разлуки
И любовные песни поют.

Но иным открывается тайна,
И почиет на них тишина...
Я на это наткнулась случайно
И с тех пор всё как будто больна.

1917
Петербург

Unlike my friends, unlike my foes
He did not praise me or revile,
He only told me—take my soul
And keep it safe for me a while.

Now, one thing really worries me:
Supposing he should die one day?
The Lord's Archangel certainly
Will come to take his soul away.

How can I hide it, how insist
And keep it from the Lord's own eyes?
A soul that sings and weeps like his
Must surely dwell in paradise.

July 1915

Translated by Olga Shartse

The twenty-first of... Midnight... Monday...
Rooftops hidden in the gloom above.
To think that some idler went and invented
That there's such a thing in the world as love!

From boredom or lack of imagination
All people believed it, and strangely still do.
They love rendezvous, they dread separations,
Love songs they sing and write billets-doux.

For some people, though, the veil has been lifted,
But sealed are their lips and safe is the lie.
I chanced on the truth myself, ever since then
I've been not quite well, I do not know why.

1917
St Petersburg

Translated by Olga Shartse

Я знаю, ты моя награда
За годы боли и труда,
За то, что я земным отрадам
Не предавалась никогда,
За то, что я не говорила
Возлюбленному: «Ты любим».
За то, что всем я всё простила,
Ты будешь ангелом моим.

1916

Юнии Анреп

Судьба ли так моя переменилась,
Иль вправду кончена игра?
Где зимы те, когда я спать ложилась
В шестом часу утра?

По-новому, спокойно и сурово,
Живу на диком берегу.
Ни праздного, ни ласкового слова
Уже промолвить не могу.

Не верится, что скоро будут святки.
Степь трогательно зелена.
Сияет солнце. Лижет берег гладкий
Как будто теплая волна.

Когда от счастья томной и усталой
Бывала я, то о такой тиши
С невыразимым трепетом мечтала,
И вот таким себе я представляла
Посмертное блуждание души.

Декабрь 1916
Севастополь (Бельбек)

I know that you are my reward
For years of pain and labour,
For never being too absorbed
In petty mundane pleasures,
For never to a lover saying:
"You are beloved", also for
Forgiving everyone their failings,
You'll be my angel evermore.

1916

Translated by Olga Shartse

To Yunia Anrep*

Is it a mere change from the life I led,
Or is my game long done?
Where are those winters when I went to bed
A long time after dawn?

A life of rigour and tranquility
I live here on this wild sea-shore.
No word of tenderness or vanity
My tongue can utter any more.

Hard to believe it will be Christmas soon.
The steppe is so endearingly green.
The sandy shore under the shining sun
By lukewarm combers is swept clean.

When I was blissfully and languorously tired
With happiness and tenderness and laughter,
I used to yearn for such unearthly quiet—
An inkling, I then felt in dreams inspired,
Of lost souls' wandering in the hereafter.

December 1916
Sebastopol (Belbek)

Translated by Sergei Roy

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье и оно — страданье.

Мне кажется, что тот, кто близко взглянет
В мои глаза, его увидит сразу.
Печальней и задумчивее станет
Внимающего скорбному рассказу.

Я ведаю, что боги превращали
Людей в предметы, не убив сознанья,
Чтоб вечно жили дивные печали.
Ты превращен в мое воспоминанье.

5 июня 1916
Слепнево

И мнится — голос человека
Здесь никогда не прозвучит,
Лишь ветер каменного века
В ворота черные стучит.
И мнится мне, что уцелела
Под этим небом я одна —
За то, что первая хотела
Испить смертельного вина.

Лето 1917
Слепнево

A memory lies hidden from the light
Deep in my heart: a white stone in a well.
I cannot fight, nor do I want to fight.
It is my Paradise—it is my private Hell.

I sometimes think that anyone who will
Look in my eyes, at once will see it plain.
A greater sadness he will surely feel
Than hearing tales of sorrow and of pain.

I know that gods turned men, in times of yore,
To objects—senseless yet endowed with mind
That griefs divine might live forevermore.
I made of you a memory of mine.

5 June, 1916
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

It seems as long as time will last
Man's voice this solitude won't shatter.
The wind alone—a Stone Age blast—
Raps rudely on the rotting shutter.
It seems I have alone survived
Under these gloomy skies—because
I wished to be the very first
To quaff a cup of deadly wine.

Summer of 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Мне не надо счастья малого,
Мужа к милой провожу
И, довольного, усталого,
Спать ребенка уложу.

Снова мне в прохладной горнице
Богородицу молить...
Трудно, трудно жить затворницей,
Да трудней веселой быть.

Только б сон приснился пламенный,
Как войду в нагорный храм,
Пятиглавый, белый, каменный,
По запомненным тропам.

Май 1914
Петербург

О, есть неповторимые слова,
Кто их сказал — истратил слишком много.
Неистощима только синева
Небесная и милосердье бога.

Зима 1916
Севастополь

Not for me, to count each blessing.
Go to your new love; goodbye.
To my happy son I will sing,
"Sleep, my precious, lullaby."

Then again with all my heart
I'll pray to the Virgin Mary...
Living like a nun is hard.
Harder still is to be merry.

My one wish is that I might
Dream of climbing high in search
Of a five-domed, stone, snow-white
Well-remembered ancient church.

May 1914
St Petersburg *Translated by Sergei Roy*

There are some words that one cannot renew,
And he who says them wastes away a hoard.
Two things alone are infinite—the blue
Of Heaven and the mercy of the Lord.

Winter of 1916
Sebastopol *Translated by Sergei Roy*

Не тайны и не печали,
Не мудрой воли судьбы —
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.

Я, с утра угадав минуту,
Когда ты ко мне войдешь,
Ощущала в руках согнутых
Слабо колющую дрожь.

И сухими пальцами мяла
Пеструю скатерть стола...
Я тогда уже понимала,
Как эта земля мала.

1914 или 1915

Neither mystery nor gloom's chill,
Nor a sign of the wise will of life
Did our meetings make me feel
But a sense of constant strife.

In the morning I'd know the moment
When I'd hear your steps draw near,
And my arms would feel the torment
Of a prickly, tingling quiver.

I would crumple in my hand
The bright-coloured table-cloth...
Even then could I understand
How small it is, this earth.

1914 or 1915 *Translated by Sergei Roy*

Из книги «ПОДОРОЖНИК»

1921

УЗНАЙ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЗВУКИ,
БЫВАЛО, МИЛЫЕ ТЕБЕ.

Пушкин

Ты — отступник: за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы,
И над озером тихим сосну.

Для чего ты, лихой ярославец,
Коль еще не лишился ума,
Загляделся на рыжих красавиц
И на пышные эти дома?

Так теперь и кощунствуй, и чванься,
Православную душу губи,
В королевской столице останься
И свободу свою полюби.

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?
Знаешь сам, ты и в море не тонешь,
И в смертельном бою невредим.

Да, не страшны ни море, ни битвы
Тем, кто сам потерял благодать.
Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Лето 1917
Слепнево

From the book THE PLANTAIN
1921

THEN RECOGNIZE AT LEAST THE SOUNDS
THAT YOU AT ONE TIME LIKED SO MUCH...

Pushkin

You're a renegade—you have betrayed*
For a green island our native land,
Icons, songs, and the old pines that swayed
On a cliff high above a still pond.

What's the matter with you, Volgan hotspur?
Did you really go clean out of your mind
That you hoped in their castles to prosper,
And for their red-haired women you pined?

Go on, blaspheme and brag self-conceited,
And your Orthodox soul do sell out,
Try to live in that grand royal city,
Fall in love with your freedom newfound.

Why come moaning and pestering me,
By my high window at dead of night?
You know well you won't drown in the sea
Nor get hurt in the deadliest fight.

Those who've fallen from grace, they indeed
Need not fear either battles or seas.
This is why you so piteously plead,
"In thy orisons remember my sins."

Summer of 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Просыпаться на рассвете
Оттого, что радость душит,
И глядеть в окно каюты
На зеленую волну,
Иль на палубе в ненастье,
В мех закутавшись пушистый,
Слушать, как стучит машина,
И не думать ни о чем,
Но, предчувствуя свиданье
С тем, кто стал моей звездою,
От соленых брызг и ветра
С каждым часом молодеть.

Июль 1917
Слепнево

А ты теперь тяжелый и унылый,
Отрекшийся от славы и мечты,
Но для меня непоправимо милый,
И чем темней, тем трогательней ты.

Ты пьешь вино, твои нечисты ночи,
Что наяву, не знаешь, что во сне,
Но зелены мучительные очи,—
Покоя, видно, не нашел в вине.

И сердце только скорой смерти просит,
Кляня медлительность судьбы.
Всё чаще ветер западный приносит
Твои упреки и твои мольбы.

Но разве я к тебе вернуться смею?
Под бледным небом родины моей
Я только петь и вспоминать умею,
А ты меня и вспоминать не смей.

Oh to wake up in the morning
From a sense of joy heart-rending
And to look out of a porthole
At a rushing, emerald wave,
Or on deck, in awful weather,
Wrapped in fluffy warm furs tightly
To hear the machine thud softly
And to moon without a thought,
Sensing, though, the coming meeting
With him who's become my lodestar,
To feel salty spray and windblast
Make me younger with each hour.

July 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

You are so heavy now, so gloomy, drear,
You've given up your glory and your dream,
Yet to me you're irreparably dear—
The darker, the more touching you will seem.

Your wits are dulled with wine, your nights unclean,
Fancy and fact are mixed up in your mind,
But your tormenting eyes are burning green—
No gaiety, it seems, you've found in wine.

Your heart now asks for nothing but swift death,
Cursing the sluggishness of fate.
So often west winds carry on their breath
Reproaches from you, and your pleas, of late.

Return to you? How dare I think of this!
Under my native country's pallid heaven
I can but sing and cherish memories,
And I forbid you to recall me, even.

Так дни идут, печали умножая.
Как за тебя мне господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты не мог ее убить.

22 июля 1917
Слепнево

В каждых сутках есть такой
Смутный и тревожный час.
Громко говорю с тоской,
Не раскрывши сонных глаз,
И она стучит, как кровь,
Как дыхание тепла,
Как счастливая любовь,
Рассудительна и зла.

1917

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь,
Не полюбишь никогда.
Для чего же так тянуться
Мне к чужому человеку,
Для чего же каждый вечер
Мне молиться за тебя?
Для чего же, бросив друга
И кудрявого ребенка,
Бросив город мой любимый
И родную сторону,
Черной нищенкой скитаюсь
По столице иноземной?
О, как весело мне думать,
Что тебя увижу я!

Лето 1917
Слепнево

Thus, multiplying griefs, my days roll on.
I pray for you, and then my prayers rue.
You've guessed it right: my love for you's so strong
That no one could kill it—not even you.

22 July, 1917
Slepnyovo *Translated by Sergei Roy*

There's a troubled, anxious hour
At the start of every day
When I loudly speak to my dour
Anguish, talking it away.
But it throbs like blood through veins,
Like a breath of warmth delicious,
Like a happy love that's vain,
Calculating and malicious.

1917 *Translated by Sergei Roy*

It's so simple, crystal-clear,
Anyone at once could see it:
You could not in love be with me
And you would not ever be.
Why am I then so attracted
To a nearly total stranger?
Why do I pray dear God for you
Every night with all my heart?
Why do I, having forsaken
My fine friend and fair-haired baby,
Having left my beloved city
And my only native land,
Wander through this foreign capital
Like a wizened, black-robed beggar?
Oh what joy it is to fancy
That I'm going to see you!

Summer of 1917
Slepnyovo *Translated by Sergei Roy*

О нет, я не тебя любила,
Палима сладостным огнем,
Так объясни, какая сила
В печальном имени твоем.

Передо мною на колени
Ты стал, как будто ждал венца,
И смертные коснулись тени
Спокойно-юного лица.

И ты ушел. Не за победой,
За смертью. Ночи глубоки!
О ангел мой, не знай, не ведай
Моей теперешней тоски.

Но если белым солнцем рая
В лесу осветится тропа,
Но если птица полевая
Взлетит с колючего снопа,

Я знаю: это ты, убитый,
Мне хочешь рассказать о том.
И снова вижу холм изрытый
Над окровавленным Днестром.

Забуду дни любви и славы,
Забуду молодость мою.
Душа темна, пути лукавы,
Но образ твой, твой подвиг правый
До часа смерти сохраню.

19 июля 1917
Слепнево

Oh no, it was not you I loved,
Consumed by sweetly scorching flame.
I cannot say what power moved
My soul when I heard your sad name.

I still see you before me kneel
As if to be crowned with a wreath,
And on your face, so young and still,
Fall shadows of defeat and death.

You left. The future would bestow
Not victory but death on you.
My angel, you must never know
The anguish I so often knew.

But if the white sun of my dream
Sheds on a forest path its light,
Or if a bird a glittering stream
Crosses in whirring, headlong flight,

I know it's you, who have been killed,
Now want to tell me of the dead.
I see the barrage-ravaged hill
Above the Dniester flowing red.

The days of youth will soon go by,
I shall forget love's light and heat.
The soul is dark, the path is sly,
Your image, though, and noble feat
Will stay with me until I die.

19 July, 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Эта встреча никем не воспета,
И без песен печаль улеглась.
Наступило прохладное лето,
Словно новая жизнь началась.

Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем,
И нужнее насущного хлеба
Мне единое слово о нем.

Ты, росой окропляющий травы,
Вестью душу мою оживи,—
Не для страсти, не для забавы,
Для великой земной любви.

17 мая 1916
Слепнево

Теперь никто не станет слушать песен.
Предсказанные наступили дни.
Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

1917

Meeting you left no trace in my verse;
Unsung, sadness subsided and pain.
Then cool summer drew near, at last,
Like life starting all over again.

Now the sky seems a vault of dull lead
Licked by bright yellow flame at the rim.
Now I need more than my daily bread
To hear one single word about him.

Thou dear God sprinkling grasses with dew,
Save my soul by a sign from above—
Not for passion or pleasure: anew
I will live for a great earthly love.

17 May, 1916
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Who will hear songs in days of strife and war?
Lean years we've been forewarned about are here.
My last one, please, the fine world is no more,
Don't break my heart—stop ringing in my ears.

Not long ago, free like a happy swallow,
On a bright morning you would swoop and soar;
Now you will beg, in hunger and in sorrow,
Only to hear dead silence at each door.

1917

Translated by Sergei Roy

По твердому гребню сугроба
В твой белый, таинственный дом
Такие притихшие оба
В молчании нежном идем.
И слаще всех песен пропетых
Мне этот исполненный сон,
Качание веток задетых
И шпор твоих легонький звон.

Январь 1917

Течет река неспешно по долине,
Многооконный на пригорке дом.
А мы живем как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.
Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиной руку
И губы мне на лестнице крутой.

Лето 1917
Слепнево

И целый день, своих пугаясь стонов,
В тоске смертельной мечется толпа,
А за рекой на траурных знаменах
Зловещие смеются черепа.
Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам,
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Лето 1917

Toward your house, mysterious and white,
Across an expanse of crisp snow
We walk, feeling suddenly quiet,
Our silence a soft, warming glow.
The swaying of branches that you
Touch lightly, the jingle of your spurs,
This dream that at last has come true,
Is sweeter than all of my verse.

January 1917

Translated by Sergei Roy

The river slowly flows across the plain.
In this vast rambling house on a hilltop
We live just as in Empress Catherine's reign,
Going to church and waiting for the crop.
Breaking a two-day separation's gloom,
Across green fields a guest rides to our place.
He kisses Grandma's hand in the drawing-room
And after, my mouth on a steep staircase.

Summer of 1917
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Now all day long, fearing their own shrill groans,
In mortal anguish dense crowds mill around.
Across the river, grinning skulls and bones
On flags of mourning dance above the ground.
Is it for this that I lived, dreamed and sang?
My heart is torn apart, it barely beats.
How still it grew when the first salvo rang.
Death sent its sentries to patrol the streets.

Summer of 1917

Translated by Sergei Roy

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Осень 1917

I heard a voice. With soothing summons
"Come hither, hither!" it implored.
"Your birthplace leave! Leave sinful Russia
Forever! Come away abroad!
Snow-white your blood-red hands I'll render,
I'll rid your heart of darkest shame,
The pain of outrage and surrender
I'll comfort with another name!"

But unconcerned and calmly raising
My open palms I blocked my ears,
Not letting such unseemly phrases
Profane my soul in grief and tears.

Autumn of 1917

Translated by Peter Tempest

Из книги «ANNO DOMINI»
1921-1922

В ТЕ БАСНОСЛОВНЫЕ ГОДА...
Тютчев

ПЕТРОГРАД, 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Долит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

БЕЖЕЦК

Там белые церкви и звонкий, светящийся лед,
Там милого сына цветут васильковые очи.

From the book ANNO DOMINI
1921-1922

IN THOSE FABULOUS YEARS...

Tyutchev

PETROGRAD, 1919

Locked in this savage capital,
We have forgot the sunsets and
The dawns, the towns, the steppes and all
The grandeur of our native land.
A gory round of night and day
Closes on us; it knows no pity,
No, no one came to our aid
When we remained here in our city
That faster held our hearts in thrall
Than winged freedom, so desired;
That we've kept for ourselves, with all
Its domes and spires, stone and fire.

Now other times move on the city
As hearts by deadly winds are rent,
But this great brainchild of Czar Peter
Will be our silent monument.

Translated by Sergei Roy

BEZHETSK

The churches are white there, and loud rings the
luminous ice.
There blossom like cornflowers the trusting eyes of
my one son.*

Над городом древним алмазные русские ночи
И серп поднебесный желтее, чем липовый мед.
Там строгая память, такая скупая теперь,
Свои терема мне открыла с глубоким поклоном;
Но я не вошла, я захлопнула страшную дверь...
И город был полон веселым рождественским звоном.

26 декабря 1921

Земной отрадой сердца не томи,
Не пристращайся ни к жене, ни к дому,
У своего ребенка хлеб возьми,
Чтобы отдать его чужому.

И будь слугой смиреннейшим того,
Кто был твоим кромешным супостатом,
И назови лесного зверя братом,
И не проси у бога ничего.

Декабрь 1921
Петербург

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключенный, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

There, Russian nights inlaid with diamonds enfold the town,
And yellow as lime-blossom honey's the sickle in the skies.
Stern memory that was reluctant, unyielding before
There opened its vaults before me with a humble deep
bow;
But I did not enter, I slammed shut the terrible door...
The ringing of bells, merry Christmas bells filled the
whole town.

26 December, 1921

Translated by Sergei Roy

Don't tempt your heart with earthly joy,
With home or hearth, or love's sweet labours.
From your own child take bread away
And give it to a hungry neighbour's.

Don't bear your foe a grudge, but rather
Be his most humble hireling,
Call a bloodthirsty beast your brother
And don't ask God for anything.

December 1921
St Petersburg

Translated by Sergei Roy

I'm not one of those abdicators
Who left their land for foes to wrong.
I pay no heed to adulators,
To them I shall not cede my song.

But for the exile, as for ailing
Or jailed folk, always have I bled.
Deep shadows are your lone path veiling
And ever sour is alien bread.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

Июль 1922
Петербург

ЧЕРНЫЙ СОН

2

Ты всегда таинственный и новый.
Я тебе послушней с каждым днем,
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное всё равно!

Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.

Декабрь 1917

5

ТРЕТИЙ ЗАЧАТЬЕВСКИЙ

Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул.

We here though, braving fires that carried
What youth we still enjoyed away.
Never avoided, never parried
A single blow that came our way.

We know—in all men's eyes tomorrow
Each hour shall vindicated be...
For none can match our tearless sorrow,
Proud bearing and simplicity.

July 1922
St Petersburg *Translated by Peter Tempest*

*THE DARK DREAM**

2

You are always mysterious and new,
And with each passing day I'm more pliant,
But, o stern friend, my passion for you
Is a trial by fire and iron.

You forbid me to sing and to laugh,
Its a long time since I prayed in church,
But I only fear losing your love
And the rest doesn't matter so much.

No more songs, and I live, day to day,
As a stranger to earth and to skies.
It's as if you had blocked my soul's way
Both to Hell and to Paradise.

December 1917
Translated by Sergei Roy

5

*THIRD ZACHATYEVSKY LANE**

Little lane, tell me where do you lead?
Little lane, you're choking me dead.

Тянет свежесть с Москва-реки,
В окнах теплятся огоньки.

Как по левой руке — пустырь,
А по правой руке — монастырь,

А напротив — высокий клен
Ночью слушает долгий стон.

Покосился гнилой фонарь —
С колокольни идет звонарь...

Мне бы тот найти образок,
Оттого что мой близок срок.

Мне бы снова мой черный платок,
Мне бы невской воды глоток.

1940

6

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

Август 1921

Chilly air from the Moskva comes,
Warm lights kindle in every home.

On my left hand, a stretch of waste land,
And a nunnery on my right hand.

Facing me stands a maple; alone
In the night it will hear my long groan.

From the tower comes the bellringer past
An old rotten, reeling lamp-post.

Where's that icon,* oh dear, oh dear,
I must hurry, my time's drawing near.

Oh for my black shawl of long ago,
For a sip from the Neva, ere I go.

1940

Translated by Sergei Roy

6

Obey you? Dearest, you cannot be sane.
No, nothing but God's will I will obey.
I hate all trepidation and all pain.
A husband is a gaoler; home, a gaol.

But then, I came to you of my free will...
December set in, in the fields winds howled,
Your prison was with such a warm light filled,
And outside, dark and silent shadows prowled.

Thus beats a stray bird helplessly against
Transparent glass, caught in a winter storm,
And scarlet blood its snow-white feathers stains.

Now I am filled with happiness and calm.
Goodbye, my gentlest, you'll be ever dear
To this poor wanderer, whom you let winter here.

August 1921

Translated by Sergei Roy

БИБЛЕЙСКИЕ СТИХИ

1

РАХИЛЬ

И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил её.

Книга Бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить,
Болеть, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.
Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы,
Сестру проклинает, и бога хулит,
И ангелу смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,

BIBLICAL VERSE

1

RACHEL

And Jacob served seven years for Rachel; and they seemed unto him but a few days, for the love he had to her.

Genesis 29:20

And Jacob met Rachel, and bowed
Before her, as she neared the trough,
Her flock raising hot dust in clouds.
A great stone was on the well's mouth.
He rolled from the well's mouth that rock
And drew water for Rachel's flock.

With Laban he stayed, and grew sad,
His heart ached as with iron seared.
He'd serve for the maiden, he said,
As Laban's goatherd seven years.
Sweet Rachel, to one in your sway
These years would seem like seven days.

But cunning old Laban did not know what ruth
Or pity was, in his great greed.
To exalt his house, he believed any ruse
Was justified, any deceit.
And tender-eyed Leah he stealthily led
To Jacob awaiting fair Rachel in bed.

High over the desert a wondrous night flowed
Besprinkling the ground with cool dew,
And all through the night Rachel shed tears and groaned
And, tearing her lush hair, beshrewed
Her sister, and blasphemed against God himself,
And piteously summoned the angel of death.

A smile in the darkness lit up Jacob's face—
He dreamed of the valley, the clear

Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

25 декабря 1921 (ст. ст.)

2

ЛОТОВА ЖЕНА

Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом.

Книга Бытия

И праведник шел за посланником бога,
Огромный и светлый, по черной горе,
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь еще посмотреть

На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.

Взглянула, и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

Кто женщину эту оплакивать будет,
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

24 февраля 1924

Spring in it, of Rachel's elate happy gaze;
Her turtledove voice he could hear:
"Sweet Jacob, who was it that spoke of his love,
And kissed me, and called me his precious black dove?"

25 December 1921 (Old Style)

Translated by Sergei Roy

2

LOT'S WIFE

But his wife looked from behind him, and she became a pillar of salt.

Genesis 19:26

The righteous man followed the angels of God,
Enormous and radiant, towards the black hill.
Anxiety goaded the sad wife of Lot:
"It is not too late now, you can look back still

At your native Sodom's red, beautiful towers,
The square where you sang and the yard where you spun,
The high empty windows of your fine old house
Where all of your poor beloved children were born."

She looked back, and instantly came to a halt,
Her tormented eyes closed forever in death;
Her body became a tall pillar of salt,
Her nimble feet solidly froze to the earth.

Now, who will that woman's bad fortune lament?
She was one of many whom God's wrath then struck.
It's only my heart that will never forget
One willing to give up her life for one look.

24 February, 1924

Translated by Sergei Roy

Вот и берег северного моря,
Вот граница наших бед и слав,—
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.
Мне не надо больше обреченных —
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб и кров.

Осень 1922

Хорошо здесь: и шелест, и хруст;
С каждым утром сильнее мороз,
В белом пламени клонится куст
Ледяных ослепительных роз.
И на пышных парадных снегах
Лыжный след, словно память о том,
Что в каких-то далеких веках
Здесь с тобою прошли мы вдвоем.

1922

Небывалая осень построила купол высокий,
Был приказ облакам этот купол собой не темнить.
И дивилися люди: проходят сентябрьские сроки,
А куда провалились студеные, влажные дни?..
Изумрудною стала вода замутненных каналов,
И крапива запахла, как розы, но только сильней,
Было душно от зорь, нестерпимых, бесовских и алых,
Их запомнили все мы до конца наших дней.
Было солнце таким, как вошедший в столицу
мятежник,
И весенняя осень так жадно ласкалась к нему,
Что казалось — сейчас забелеет прозрачный
подснежник...
Вот когда подошел ты, спокойный, к крыльцу моему.

Сентябрь 1922

There it is, the northern coast's vast sweep,
Frontier of our fortunes, foul and fair.
I don't know why at my feet you weep:
Out of happiness—or sheer despair?
No more pliant men for me, faint hearts,
Captives doomed, adorers in thrall.
None but my beloved, stern and hard,
Shall from now on share with me my all.

Autumn of 1922

Translated by Sergei Roy

It's delightful here: vibrant the air,
Crisp the snow, daily keener the frost.
On a flaming white bush over there
Frozen roses are gracefully tossed.
These majestic expanses of snow
Bear a twin track where skis have gone by,
A reminder that ages ago
Here together we passed, you and I.

1922

Translated by Peter Tempest

This autumn was unique, the vault of heaven
It raised aloft, banned clouds, the bright dome shone
And people marvelled: it was late September
Where had the damp and chilly weather gone?
The water in canals flowed green as emerald,
Rose-sweet the nettle smelled, but stronger still.
Hot, stifling were red sunsets—we remembered
Their diabolic hues, and ever will.
The sun rose like a rebel in the city,
Such love the springlike autumn for him bore
I thought we'd see white snowdrops any minute...
And it was then you strolled up to my door.

September 1922

Translated by Peter Tempest

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Я-то вольная. Всё мне забава,—
Ночью Муза слетит утешать,
А наутро притащится слава
Погремушкой над ухом трещать.

Обо мне и молиться не стоит,
И, уйдя, оглянуться назад...
Черный ветер меня успокоит,
Веселит золотой листопад.

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но, скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

Август 1921

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,

I've made the break with you somehow
And quenched the flames within that smart.
My foe eternal! You should now
Learn how to love with all your heart.

I'm free now. Life's not burdensome—
The Muse will comfort me at night
And with her rattle Fame will come
At dawn to deafen and delight.

I need no praying on your part,
I won't expect a farewell glance...
Raw winds can ease an aching heart
And autumn's golden leaves entrance.

To part from you shall be a gift,
Oblivion—a blessing fair.
But shall some other woman lift
The cross which you, dear, made me bear?

August 1921

Translated by Peter Tempest

So you thought that I was one of these
Who're forgotten, after a while;
That I'd throw myself down on my knees
At your bay horse's hoofs, and wail;

That I'd plead with a sorceress, heartbroken,
A mandragora philtre to brew;
That I'd send you a terrible token—
My good-luck piece, a fragrant fichu.

Not a look, not a moan, not a prayer—
Curse on you! That's your soul's only due.

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Июль 1921
Петербург

Пусть голоса органа снова грянут,
Как первая весенняя гроза:
Из-за плеча твоей невесты глянут
Мои полузакрытые глаза.

Прощай, прощай, будь счастлив, друг прекрасный,
Верну тебе твой сладостный обет.
Но берегись твоей подруге страстной
Поведать мой неповторимый бред,—

Затем что он пронижет жгучим ядом
Ваш благостный, ваш радостный союз...
А я иду владеть чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

Август 1921

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим.
Как вороны кружатся, чуя
Горячую свежую кровь,
Так дикие песни, ликуя,
Моя насылала любовь.

By the garden of Eden I swear,
By all things that are sacred and true,
By our blazing nights' joy and despair—
I will not ever go back to you.

July 1921
St Petersburg *Translated by Sergei Roy*

O let the organ, many-voiced, sing boldly,
O let it roar like spring's first thunderstorm!
My half-closed eyes over your young bride's shoulder
Will meet your eyes just once and then no more.

Goodbye, be very happy, I relieve you
Of all your vows—but, dearest heart, take care
Lest my most sacred words, my ravings fevered
You breathe in your enamoured partner's ear.

Know this: they'll poison and corrode your ardent
And blessed union... I go forth to seek—
To seek and claim the lovely magic garden
Where grasses softly sigh and Muses speak.

August 1921
Translated by Irina Zheleznova

I courted disaster; foredoomed,
One after the other, they died.
O woe to me! were not those tombs
In my poems once prophesied?
As ravens will wheel in the sky
When fresh blood's about to be shed,
So did my wild melodies fly
By jubilant love sent ahead.

С тобою мне сладко и знойно,
Ты близок, как сердце в груди.
Дай руки мне, слушай спокойно.
Тебя заклинаю: уйди.
И пусть не узнаю я, где ты.
О Муза, его не зови,
Да будет живым, невоспетым
Моей не узнавший любви.

Осень 1921
Петербург

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне,
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,—
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема, тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

1 (14) января 1922

Just being with you feels sweet and hot.
You're mine like the blood in my veins.
Let me hold your hands; hear me out.
I beg of you: please go away.
I don't want to hear where you'll go.
O Muse, do not lure him to me.
The man who my love will not know—
Unsung but alive let him be.

Autumn of 1921
St Petersburg *Translated by Sergei Roy*

SLANDER

Vile slander goes wherever I go, it seems.
Its stealthy step pursues me in my dreams
And under ruthless skies, across the dead
Cold city, as I look for roof and bread,
While its reflections burn in every eye
Either as guileless fear or treachery.
I'm unafraid, by charges undefiled,
To each I have an answer dignified.
But I already can that day foresee
When friends will come at break of dawn to me
And my last sleep disturb by their distress,
And place an icon on my still warm breast.
Unknown to any, slander will come here;
Its hungry mouth, with my still warm blood smeared,
A list of my wrongdoings will recite
In tireless counterpoint to burial rite.
Then they'll be plain to all, those nightmare lies,
No man will dare to meet his neighbour's eyes.
An awful emptiness will then become my urn
And for the last time will my tired soul burn,
Flying through morning haze, seared by a sense
Of pity for the earth—and impotence.

1(14) January, 1922 *Translated by Sergei Roy*

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Да, я любила их, те сборища ночные,—
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеем пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

2

Соблазна не было. Соблазн в тиши живет,
Он постника томит, святителя гнетет

И в полночь майскую над молодой черницей
Кричит истомно раненой орлицей.

А сим распутникам, сим грешницам любезным
Неведомо объятье рук железных.

3

Не оттого ль, уйдя от легкости проклятой,
Смотрю взволнованно на темные палаты?
Уже привыкшая к высоким, чистым звонам,
Уже судимая не по земным законам,
Я, как преступница, еще влекусь туда,
На место казни долгой и стыда.
И вижу дивный град, и слышу голос милый,
Как будто нет еще таинственной могилы,
Где, день и ночь, склонясь, в жары и холода,
Должна я ожидать последнего суда.

Январь 1917

THREE POEMS

1

Yes, I adored those noisy crowded nights—*
Iced glasses on the tables, yellow lights,
The heavy steam of coffee, cognac-laced,
The heavy heat of that red fireplace,
The sparkle of a literary joke,
And a new friend's lost, terrified first look.

2

There's no temptation here. In quiet places
Temptation hides, and holy men oppresses,

And to a young nun on a night in June
Cries langurously like a wounded loon.

These sinners, though, these libertines and rakes—
They do not know temptation's grim embrace.

3

That's why I look in such turmoil at these
Dark chambers, having quit accursed ease,
Grown used already to the high, clear chime,
Judged not by earthly laws but laws sublime,
I'm still drawn like a sinner to the place
Of my long wickedness, weak and shamefaced.
I hear your precious voice, at fine walls look,
As if that secret grave had not been dug,
Where I, on bended knee, resigned to fate,
Through all my days my judgement will await.

January 1917

Translated by Sergei Roy

МНОГИМ

Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
Я — отраженье вашего лица,
Напрасных крыл напрасны трепетанья,
Ведь всё равно я с вами до конца.

Вот отчего вы любите так жадно
Меня в грехе и в немощи моей;
Вот отчего вы дали неоглядно
Мне лучшего из ваших сыновей;
Вот отчего вы даже не спросили
Меня ни слова никогда о нем
И чадными хвалами задымили
Мой навсегда опустошенный дом.
И говорят — нельзя теснее слиться,
Нельзя непоправимее любить...

Как хочет тень от тела отделиться,
Как хочет плоть с душою разлучиться,
Так я хочу теперь — забытой быть.

Сентябрь 1922

TO MANY

I am your voice, through me your temper rings,
And I am a reflection of your face.
In vain, the futile fluttering of your wings,
For I will stay with you in any case.

That is the reason you love greedily
Me in my feebleness and in my sins,
And that was why you gladly gave to me
The fairest and the finest of your sons.
And that was why in all these endless days
You never asked me where he was; instead
You filled with acrid fumes of empty praise
My house from which its heart and soul had fled.
You plead now: none could be as close to me,
No other love could be as misbegotten...

The way a shadow would from substance flee,
The way the soul aspires the flesh to leave—
That's how, these days, I want to be forgotten.

September 1922

Translated by Sergei Roy

Из книги «ТРОСТНИК»
1924-1940

Я ИГРАЮ В НИХ ВО ВСЕХ ПЯТИ.
Б. П.

МУЗА

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

1924

Здесь Пушкина изгнанье началось
И Лермонтова кончилось изгнанье.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.

1927
Кисловодск

From the book REEDS
1924-1940

*I PLAY IN ALL FIVE OF THEM.**

B.P.

THE MUSE

When in the night hour I await her coming
It seems to me my life hangs by a thread.
Youth, honours, liberty all shrink to nothing
When my dear visitor pipes by my bed.

Look, here she comes. Her veil she raises, turning
To view me with a shrewd appraising eye.
"Pray, was it you dictated the Inferno
To Dante?" And she answers: "It was I."

1924

Translated by Peter Tempest

Here started Pushkin's banishment*
And here, too, Lermontov was shot.
Here, light is mountain flowers' scent
And only once that glint I caught
At a harsh hour, when from the skies
Twilight on sunbaked earth descends—
That unassuaged fierce radiance
Of an immortal lover's* eyes.

1927
Kislovodsk

Translated by Sergei Roy

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать—

Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый
Всходил со мною на крыльцо.

1929

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот?
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.

This wintry city where I wandered,
A child, my youthful heart entranced,
Today seems but a fortune squandered,
A gained and lost inheritance!

All that came easily and lightly
And that was spent with equal ease—
The fire of soul, the prayers that nightly
Poured out from it, the first song's bliss—

All, all, in mirrors' depths decaying
Has gone, is now of haze a streak.
The noseless fiddler—hear him playing!—
Of the irreparable speaks.

But like a foreigner, elated
At hearing Russian speech am I,
And watch, absorbed and fascinated,
The horsedrawn sledges past me fly.

Joy's breath is full of savage freshness,
A strength that sweeps all else aside.
Is someone dear to me and precious
The staircase mounting at my side?..

1929

Translated by Irina Zheleznova

Has he sent a swan on silent wings,
Or a boat for me, or a black ark?
In 1916, in early spring
He said he would soon himself come back.
In 1916, in early spring
As a bird, he said, I'd have to fly
Across gloom and death, and with my wing
Touch his wound, wherever he might lie.

Мне его еще смеются очи
И теперь шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Февраль 1936
Москва

Одни глядятся в ласковые взоры,
Другие пьют до солнечных лучей,
А я всю ночь веду переговоры
С неукротимой совестью своей.

Я говорю: «Твое несу я бремя
Тяжелое, ты знаешь, сколько лет».
Но для нее не существует время,
И для нее пространства в мире нет.

И снова черный масленичный вечер,
Зловещий парк, неспешный бег коня
И полный счастья и веселья ветер,
С небесных круч слетевший на меня.

А надо мной спокойный и двурогий
Стоит свидетель... о, туда, туда,
По древней подкапризовой дороге,
Где лебеди и мертвая вода.

3 ноября 1935
Фонтанный Дом

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль — солнечным лучом,
Фиалкою — девичий рот,
А золото — ничем.

They are smiling still at me, those eyes,
As in spring 1916 they smiled.
But—what can I do? Until sunrise
Talks to me the angel of the night.

February 1936
Moscow *Translated by Sergei Roy*

Some lose themselves in gentle eyes*
And others drink all through the night,
While I, as one caught in a vise,
With my unyielding conscience fight.

I say to it, "So many years
Your heavy load I've carried now."
My conscience, though, has no idea
Of time—or space, for all I know.

Black Shrovetide night again begins,
The park is dark, the trot is slow,
And joyously delirious winds
In my hot face from heaven blow.

And overhead, a witness flowers
Quiet, two-horned... Oh let us speed
Along this road towards ancient bowers
Where swans are white and waters dead.

3 November, 1935
Fountain House *Translated by Sergei Roy*

Wild honey smells of open fields,
Dust smells of solar ray,
A girl's mouth smells of violets,
Gold has no smell, they say.

Водою пахнет резеда,
И яблоком — любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь...

И напрасно наместник Рима
Мыл руки пред всем народом,
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

1933

ДАНТЕ

Il mio bel San Giovanni.
*Dante**

Он и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть,—
Но босой, в рубахе покаянной,
Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, низкой, долгожданной...

17 августа 1936

---

* Мой прекрасный Сан-Джованни. Данте *(итал.).— Ред.*

Fresh water smells of mignonette,
And love of apples smells,
But oh how well we now know that
Blood smells of nothing else
But blood...

In vain did Procurator Pontius Pilate
Wash his hands in front of the people
To the ominous cries of the mob;
The Queen of the Scots in vain
Did try to rub out the damned spot
From her narrow hands in the gloom
Of the royal castle...

1933

Translated by Sergei Roy

DANTE *

Il mio bel San Giovanni.
Dante

To his Florence even after death
He did not return, as legend claims.
Never did he look back as he left*
His old city. Here I sing his praise.
Torches in the night, the last embrace,
And, beyond the door, his fate's wild yell—
Which still haunted him in paradise,
Which in bleak despair he cursed in hell.
Yet he would not ever walk barefooted,
In a penance shirt, candle in hand,
Through his long-abandoned native city—
Base, longed-for, perfidious, without pity...

17 August 1936

Translated by Sergei Roy

КЛЕОПАТРА

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.

Пушкин

Уже целовала Антония мертвые губы,
Уже на коленях пред Августом слезы лила...
И предали слуги. Грохочут победные трубы
Под римским орлом, и вечерняя стелется мгла.
И входит последний плененный ее красотою,
Высокий и статный, и шепчет в смятении он:
«Тебя — как рабыню... в триумфе пошлет пред
собою...»
Но шеи лебяжьей всё так же спокоен наклон.

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
И черную змейку, как будто прощальную жалость,
На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

7 февраля 1940

ИВА

И дряхлый пук дерев.

Пушкин

А я росла в узорной тишине,
В прохладной детской молодого века.
И не был мил мне голос человека,
А голос ветра был понятен мне.
Я лопухи любила и крапиву,
Но больше всех серебряную иву.
И, благодарная, она жила
Со мной всю жизнь, плакучими ветвями

CLEOPATRA

Then Alexandrian palaces
Sank in sweet shade.

Alexander Pushkin

Her fate sealed, dead Antony's lips she had kissed and
had knelt
In front of Augustus, as tears down her lovely face rolled...
The servants betrayed her. The blaring of war trumpets
swelled
As eagles trimphant sailed in, and as night shadows
crawled.
Her beauty's last captive there entered, a tall stately
warrior,
And spoke to the Queen in low whispers, embarrassed,
dismayed:
"You'll walk as a slave at his triumph in front of his
chariot..."
The bend of her swan neck majestic as ever remained.
Her children would soon be in fetters. Of all her affairs,
So little remained: with this warrior an hour, a jest,
Then pressing the snake, like the last and the greatest
of favours,
With steady, indifferent hand to her olive-skinned breast.

7 February, 1940

Translated by Sergei Roy

WILLOW

An ancient clump of trees...

Alexander Pushkin

And I grew up in silence soft as lace
In this young century's cool nursery.
Man's voice was never very dear to me—
But how I loved to hear the lone wind's voice!
My fondest friends were burdock, nettle, mallow,
But more than anything I loved a silver willow.
And at my side, in gratitude to me,
It stayed all of its life, its weeping boughs

Бессонницу овеивала снами.
И — странно! — я ее пережила.
Там пень торчит, чужими голосами
Другие ивы что-то говорят
Под нашими, под теми небесами.
И я молчу... Как будто умер брат.

18 января 1940

РАЗРЫВ

1

Не недели, не месяцы — годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.

Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств
Несравненной моей правоты.

1940

2

И, как всегда бывает в дни разрыва,
К нам постучался призрак первых дней,
И ворвалась серебряная ива
Седым великолепием ветвей.

Нам, иступленным, горьким и надменным,
Не смеющим глаза поднять с земли,
Запела птица голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли.

25 сентября 1944

Wafting sweet dreams through endless sleepless hours.
And, strangely, I outlived the tree.
There's but a stump left; other willows pine
And in strange voices stranger nothings whisper
Under the skies that still are yours and mine.
I'm silent... As if grieving for a sister.

18 January, 1940

Translated by Sergei Roy

RUPTURE *

1

It has taken us long years to part.
Now at last there's no more to be said:
They are mine—freedom's chill in my heart
And a silvery crown on my head.

No more treachery, no more betrayal,
You no longer must listen all night
To me volubly follow the trail
Of the ultimate proof I was right.

1940

Translated by Sergei Roy

2

As always at a time of cutting ties,
We had a visitor—a ghost from our first hours;
A silver willow burst into our lives
In all the glory of its trailing boughs.

We heard then, daring not our eyes to raise,
Both locked within a bitter, frenzied huff,
A bird begin to sing of blessed days
When we so gently cradled our love.

25 September, 1944

Translated by Sergei Roy

3

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью,—
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что бог не спас.

27 июня 1934

Годовщину последнюю празднуй—
Ты пойми, что сегодня точь-в-точь
Нашей первой зимы—той, алмазной—
Повторяется снежная ночь.

Пар валит из-под царских конюшен,
Погружается Мойка во тьму,
Свет луны как нарочно притушен,
И куда мы идем—не пойму.

Меж гробницами внука и деда
Заблудился взъерошенный сад.
Из тюремного вынырнув бреда,
Фонари погребально горят.

В грозных айсбергах Марсово поле,
И Лебяжья лежит в хрусталях...
Чья с моею сравняется доля,
Если в сердце веселье и страх.

И трепещет, как дивная птица,
Голос твой у меня над плечом.
И внезапным согретый лучом
Снежный прах так тепло серебрится.

1939

3

THE LAST TOAST

I drink to marriage gone to pot,
To solitude for two,
To my whole sorrow-laden lot,
I'll also drink to you—
To lips that lied, a traitor's lips,
To eyes cold as the grave,
To this world's merciless, coarse grip,
To God who does not save.

27 June, 1934

Translated by Sergei Roy

Let's tonight celebrate our last
Anniversary; don't you realise
That this snowy night's straight from the past—
That first night of the diamond skies...

From the Czar's stables, steam comes in stark
Startling cloudlets; a red moon hangs low,
Moonlight dims, Moika sinks in the dark,
And I cannot see which way we go.

A dishevelled park has lost its way
In the space between two royal tombs.
Escapes from a nightmare in gaol
Street lamps swin through funereal gloom.

Like a mass of cut-glass, Swan Dyke shines,
Awesome icebergs in Martian Fields rear...
Pray, what fate will compare with mine
If my heart's full of rapture and fear?

Like a fairy bird, bright wings aquiver,
Your voice flies at my side through the night,
And, caressed by the moon's sudden light,
Snowdust shimmers as warm as old silver.

1939

Translated by Sergei Roy

Из «СЕДЬМОЙ КНИГИ»
<1936-1964>

ПАЛА СЕДЬМАЯ ЗАВЕСА ТУМАНА,—
ТА, ЗА КОТОРОЙ ПРИХОДИТ ВЕСНА.

Т. К.

ТАЙНЫ РЕМЕСЛА

1

ТВОРЧЕСТВО

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава,
Как по земле идет с котомкой лихо...
Но вот уже послышались слова
И легких рифм сигнальные звоночки,—
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

5 ноября 1936

2

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах всё быть должно некстати,
Не так, как у людей.

From THE SEVENTH BOOK
1936-1964

THE SEVENTH VEIL OF FOG HAS FALLEN—
THAT WHICH CONCEALED THE SPRING.

T. K.

THE SECRETS OF CRAFT

1

CREATION

That's how it comes about: I feel a languor;
Clocks ceaselessly keep striking in my ears;
Somewhere afar, a peal of dying thunder
And pleas and soft laments I seem to hear
Of voices captive and unrecognized.
Some secret circle is slowly growing small
And soon from countless whispers will arise
One single sound victorious over all.
So hopeless is the quiet around that sound
That you can hear grass growing in the woods
Or grief on cloven feet slinking around...
But soon I can discern the separate words
And signal bells of easy-going rhymes,—
I see the light; then everything sounds right,
And, one by one dictated, flowing lines
On snow-white pages carelessly alight.

5 November, 1936

Translated by Sergei Roy

2

Unsuited to my purpose is the rhyming
Of martial odes or charming elegies.
In verses everything should be untimely,
Without our certainties.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

21 января 1940

3

МУЗА

Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гу-гу.

4

ПОЭТ

Подумаешь, тоже работа —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И, чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после подслушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

I wish you were aware from what stray matter
Springs poetry to prosper without shame,
Like dandelions which the children scatter
Or pigweed of the lowly name.

An angry shout, the molten tar's hot stinging,
A magic growth of mould upon a wall...
And straightaway the verse is gaily ringing
To gladden one and all.

21 January, 1940

Translated by Peter Tempest

3

THE MUSE

To be quite frank, I've little use
For all that twaddle about the Muse.
"Oh, divine murmur!" people plague you.
"What bliss it is, those strains to hear!"
It'll rack and shake you
Like the ague
And disappear
For a year.

Translated by Sergei Roy

4

THE POET

A life of hard toil—I don't think!
Seems more like a life of sheer ease—
To pass for my own work something
That music tells all who have ears.

And, capturing in a few lines
A light-hearted scherzo, to swear
That here is a poor heart that pines
And rends in despair golden air.

And after, to eavesdrop on pines—
They aren't as reserved as they look
And freely talk when the wood lies
Concealed by the smoke-screen of fog.

Налево беру и направо,
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой,
И всё — у ночной тишины.

Лето 1959
Комарово

5

ЧИТАТЕЛЬ

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет!
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

И рампа торчит под ногами,
Всё мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеймило чело.

А каждый читатель как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.

Там всё, что природа запрячет,
Когда ей угодно, от нас.
Там кто-то беспомощно плачет
В какой-то назначенный час.

И сколько там сумрака ночи,
И тени, и сколько прохлад,
Там те незнакомые очи
До света со мной говорят,

За что-то меня упрекают
И в чем-то согласны со мной...
Так исповедь льется немая,
Беседы блаженнейший зной.

I glean from the earth and the sky
All manner of things, left and right,
Even a bit from sly life,
And all, from the stillness of night.

Summer of 1959
Komarovo*

Translated by Sergei Roy

5

THE READER

A poet must not feel a wretch,
Nor should he in secrecy grieve.
If he wants his public to reach
His heart he must wear on his sleeve.

The footlights in fiery dots mark
His place in a bare, lonely space.
The limelight's cold flame throws in stark
Relief his defenceless pale face.

Each reader's a treasure-trove hidden
In fathoms of earth—even if
He is undistinguished, unbidden,
And has been mute all of his life.

And buried there, everything lies
That nature deems best to conceal.
And somebody helplessly cries
When crying time comes—as it will.

There, out of nocturnal gloom rise
Slow shadows, and chilly winds blow;
And lone strangers' myriad eyes
Talk to me until dawn's first glow.

They blame me for my past transgressions,
They praise me for some things I did...
Thus flows on this silent confession,
This blissful communion's heat.

Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен —
Поэта неведомый друг.

Лето 1959
Комарово

В СОРОКОВОМ ГОДУ

1

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке,—
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске.
И клонятся головы ниже,
Как маятник, ходит луна.

Так вот — над погибшим Парижем
Такая теперь тишина.

5 августа 1940

2

ЛОНДОНЦАМ

Двадцать четвертую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;

Too brief is our earthly life's span
And only too soon comes the end,
But he is forever on hand—
The poet's unknown, loyal friend.

Summer 1959
Komarovo

Translated by Sergei Roy

*THE YEAR 1940**

1

These days, when an epoch goes down,
No dirges at burial are droned;
Its grave will be lushly adorned
By nettles and thistles alone.
And only grave-diggers work hard,
With gusto—no time to be lost!
It's still. It is *so* still, o God,
It's easy to hear time roll past.
And later, the epoch will rise
And float like a corpse will, come May;
The son, though, will not recognize
His mother—he'll just look away.
Now heads are bent lower and lower,
The moon like a pendulum swings.

Thus over dead Paris now lours
Dead silence—a knell mutely rings.

5 August, 1940

Translated by Sergei Roy

2

*TO THE PEOPLE OF LONDON**

Time now writes this, twenty-fourth play of Shakespeare
With an indifferent, merciless hand.
We ourselves take part in this feast of fear—
But we would much rather read, in this land,
Hamlet or *Caesar* or *Lear.*

Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наемным убийцей дрожать,—
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

5

Но я предупреждаю вас,
Что я живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковою водой,
Ни колокольным звоном —
Не буду я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

1940

ВЕТЕР ВОЙНЫ

1

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941
Ленинград

Yes, we would rather watch Juliet's last rite—
Singing and torchlight, last kiss—
Or on Macbeth we might eavesdrop tonight,
Or with an assassin plead,—
Only not this play, not this one, not this!
This we can no longer read.

1940

Translated by Sergei Roy

5

Now, let me warn you that this is
The last time that I will exist.
No, not as water from a well.
Nor reed, nor evening star,
Nor maple leaves rustling afar,
Nor distant tolling bell—
I shall not trouble people at all,
I shall not in their sad dreams fall
As stifled groan or wail.

1940

Translated by Sergei Roy

*WINDS OF WAR**

1

A VOW

May she who "Farewell!" to her loved one has said
Forge grief into strength, make her tears ammunition.
We vow to our children, we vow to the dead
That no one shall ever compel our submission!

July 1941
Leningrad

Translated by Peter Tempest

3

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Всё изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громе влажность есть
Высоких свежих облаков
И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — по тому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941

5

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем.
Навеки!

23 февраля 1942
Ташкент

3

THE FIRST SHELLING OF LENINGRAD

In streets as busy as before
A sudden change I found,
For this was not a city roar
Nor yet a country sound.
A distant rumble shook the whole
Of heaven—like a thunder-roll,
Except that in the thunder's train
Comes moisture from a lowering cloud
To slake the thirst of soil fresh-ploughed
And joyous heavy rain.
This was a sound as dry as hell,
It made my baffled ears rebel
Against the thought such clamour wild
Might, with its hot crescendo breath
Indifferently dealing death,
Destroy my little child.

September 1941

Translated by Peter Tempest

5

COURAGE

We know that our fate in the balance is cast
And we are the history makers.
The hour for courage has sounded at last
And courage shall never forsake us.
We do not fear death where the wild bullets screech,
Nor weep over homes that are gutted,
For we shall preserve you, our own Russian speech,
The glorious language of Russia!
Your free and pure utterance we shall convey
To new generations, unshackled you'll stay
Forever!

23 February, 1942
Tashkent

Translated by Peter Tempest

7

Постучись кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

23 апреля 1942
Ташкент

8

NOX

СТАТУЯ «НОЧЬ» В ЛЕТНЕМ САДУ

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви...
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

30 мая 1942

7

Knock with your little fist, and I'll open,*
As I've always opened, the door.
I am now beyond steep mountain slopes,
Across desert, there isn't much hope
In my heart—only love, evermore.
You did not plead with me for some bread,
Not a moan from your lips did I hear.
Now, my sweet, in our favourite glade
A few maple leaves, a few grass blades
Will you gather? Will you bring them here?
Bring a handful of the Neva's icy
Crystal water, as last spring you did,
And I'll wash away those bloody traces
From your golden-haired beloved head.

23 April, 1942
Tashkent

Translated by Sergei Roy

8

*NOX**

THE STATUE OF NIGHT IN THE SUMMER GARDENS

O Night!
In your starlit veil
With poppies of mourning,
A sleepless owl...
With great toil,
Sweet Night,
We've covered you well
With fresh soil.
Empty are now Dionysian cups,
Tear-stained, the eyes of love.
Over the city, high up,
Your awesome sisters move.

30 May, 1942

Translated by Sergei Roy

10

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь всё равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Август 1942
Дюрмень

ЛУНА В ЗЕНИТЕ

ТАШКЕНТ 1942-1944

1

Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак.
Какая-то сила
Сегодня входила
В твое святилище, мрак!
Мангалочий дворик,
Как дым твой горек
И как твой тополь высок...
Шехерезада
Идет из сада...
Так вот ты какой, Восток!

Апрель 1942

2

С грозных ли площадей Ленинграда
Иль с блаженных летейских полей
Ты прислал мне такую прохладу,

10

And you, my comrades of the last call-up!
To mourn your death, my life has been preserved.
I shall not, willow-like, over your memory droop—
I'll shout all of your names to this wide world!
But then, names or no names,
you're always at our side!
All go down on your knees!
The light flows purple, gory!
And Leningraders march again through gloom and light,
The living and the dead: there is no death for glory.

August 1942
Dyurmen *

Translated by Sergei Roy

HIGH MOON

TASHKENT 1942-1944

1

To fall asleep cast down,
To be in love by dawn,
To notice suddenly how red the poppies bloom.
What is this force divine
That breaks into your shrine,
You pompously all-powerful god of gloom?
You little yard, your brazier
Makes life smell acrid-crazy,
Your poplar gently shades this endless feast...
I see Scheherazade
Walk lightly from the garden...
So that's what you look like, the real East!

April 1942

Translated by Sergei Roy

2

Did you send me this cool evening air
As a gift from bleak Leningrad squares
Or from nebulous Lethean plains?

Тополями украсил ограды
И азийских светил мириады
Расстелил над печалью моей?

Март 1942

4

И в памяти, словно в узорной укладке:
Седая улыбка всезнающих уст,
Могильной чалмы благородные складки
И царственный карлик — гранатовый куст.

16 марта 1944

5

Третью весну встречаю вдали
От Ленинграда.
Третью? И кажется мне, она
Будет последней.
Но не забуду я никогда
До часа смерти,
Как был отраден мне звук воды
В тени древесной.
Персик зацвел, а фиалок дым
Все благовонней.
Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?!

1944-1956

ВЕРЕНИЦА ЧЕТВЕРОСТИШИЙ

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1962

Did you light Asian stars overhead
And the blossoming tree branches spread
Over my untold sadness and pain?

March 1942

Translated by Sergei Roy

4

My memory, like an antique casket, holds
The omniscent smile and the silvery hair,
The burial turban's magnificent folds,
And dwarfish pomegranates' imperial air.

16 March, 1944

Translated by Sergei Roy

5

It is my third spring away
From Leningrad.
Third—and it looks as if
It will be the last.
But I will never forget
Till I die
How I loved the murmur of water
In the shade of trees.
The peach-tree is blooming, the violets' haze
Is more and more fragrant.
Who will dare tell me that here
I am in an alien land?

1944-1956

Translated by Sergei Roy

A STRING OF QUATRAINS

And what are wars and plagues? They'll end tomorrow.
Their sentence has already been proclaimed.
Who will protect us, though, against the horror
That was the "course of time" ineptly named?

1962

Translated by Sergei Roy

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

1945

К СТИХАМ

Вы так вели по бездорожью,
Как в мрак падучая звезда.
Вы были горечью и ложью,
А утешеньем — никогда.

ИМЯ

Татарское, дремучее
Пришло из никуда,
К любой беде липучее,
Само оно — беда.

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

Gold tarnishes, and marble falls to dust.
Steel rusts. Decay's the way of all the world.
Of all things on this earth, sadness alone will last—
As long as will abide the regal word.

1945

Translated by Sergei Roy

TO VERSE

You've taken me where no road takes,
As shooting star to desolation.
You've been my chagrins and my fakes—
You've never been my consolation.

Translated by Sergei Roy

*MY NAME**

A Tatar name, an ancient name,
No one can tell me whence it came.
A sign of grief, a sign of death,
It's a misfortune in itself.

Translated by Sergei Roy

My heart was full, without a single care,*
As I drank thirstily that fiery heat...
Onegin, like a castle in the air
Built of the lightest cloud, stood overhead.

Translated by Sergei Roy

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

1962

*CINQUE**

Autant que toi sans doute il te
sera fidèle
Et constant jusques à la mort.

*Baudelaire***

1

Как у облака на краю,
Вспоминаю я речь твою,

А тебе от речи моей
Стали ночи светлее дней.

Так, отторгнутые от земли,
Высоко мы, как звезды, шли.

Ни отчаянья, ни стыда
Ни теперь, ни потом, ни тогда.

Но живого и наяву,
Слышишь ты, как тебя зову.

И ту дверь, что ты приоткрыл,
Мне захлопнуть не хватит сил.

26 ноября 1945

---

* Пять <пятерка> (итал.).— *Ред.*

** Как ты сама, несомненно, будет он тебе верным и преданным до смерти. Бодлер (франц.).— *Ред.*

Not for me, to lament my ill luck.
But I wish I might never have seen
Failure's sinister gold-lettered mark
On a forehead as yet so serene.

1962

Translated by Sergei Roy

CINQUE *

Autant que toi sans doute il te
sera fidèle
Et constant jusques à la mort.

Baudelaire

1

Like a walk by the edge of a cloud
Is my memory of what you vowed,

And your nights are made as light as day
By your memories of what I say.

Thus cut off from the earth we soar
As the highest, remotest star.

Neither shame nor despair—not a quiver,
Either then, or later, or ever.

Come, I want you, alive and real.
Come, I'm calling you, can't you hear?

Come, it is open wide, the door
That you opened so often before.

26 November, 1945

Translated by Sergei Roy

2

Истлевают звуки в эфире,
И заря притворилась тьмой.
В навсегда онемевшем мире
Два лишь голоса: твой и мой.
И под ветер с незримых Ладог,
Сквозь почти колокольный звон,
В легкий блеск перекрестных радуг
Разговор ночной превращен.

20 декабря 1945

3

Я не любила с давних дней,
Чтобы меня жалели,
А с каплей жалости твоей
Иду, как с солнцем в теле.
Вот отчего вокруг заря.
Иду я, чудеса творя,
Вот отчего!

20 декабря 1945

4

Знаешь сам, что не стану славить
Нашей встречи горчайший день.
Что тебе на память оставить?
Тень мою? На что тебе тень?
Посвященье сожженной драмы,
От которой и пепла нет,
Или вышедший вдруг из рамы
Новогодний страшный портрет?
Или слышимый еле-еле
Звон березовых угольков,
Или то, что мне не успели
Досказать про чужую любовь?

6 января 1946

2

Sounds are fading away in the ether,
After sunset the sky darkly glows,
And the world that has gone mute forever
Holds just two voices, mine and yours.
Through the howl of the wind from the sea,
Through the knell-like rare boom in the night,
Our nocturnal play at repartee
Seems much more like the sparkle of arc lights.

20 December, 1945

Translated by Sergei Roy

3

Since early days, I've never liked
Pity in any shape or form.
Pity from you, though, is delight,
A sunny touch that keeps me warm.
That's why the sky is all aglow
And I work wonders as I go.
That's why!

20 December, 1945

Translated by Sergei Roy

4

You know well I will not glorify
The worst day of all days that we knew.
Now, what will you remember me by?
Not my shadow. What is it to you?
Shall I leave you a drama I burnt—*
Burnt and scattered the ashes, even?
Or a portrait that up and went
From its frame on New Year's eve?
Or the barely audible lisping
Of the cooling birchwood embers,
Or a love tale to which I listened
With delight—but cannot remember?

6 January, 1946

Translated by Sergei Roy

5

Не дышали мы сонными маками,
И своей мы не знаем вины.
Под какими же звездными знаками
Мы на горе себе рождены?

И какое кромешное варево
Поднесла нам январская тьма?
И какое незримое зарево
Нас до света сводило с ума?

11 января 1946

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

ИЗ СОЖЖЕННОЙ ТЕТРАДИ

And thou art distant in Humanity.

Keats

СОЖЖЕННАЯ ТЕТРАДЬ

Уже красуется на книжной полке
Твоя благополучная сестра,
А над тобою звездных стай осколки,
И под тобою угольки костра.
Как ты молила, как ты жить хотела,
Как ты боялась едкого огня!
Но вдруг твое затрепетало тело,
А голос, улетая, клял меня.
И сразу все зашелестели сосны
И отразились в недрах лунных вод.
А вкруг костра священнейшие весны
Уже вели надгробный хоровод.

1961

5

No somniferous poppies we breathed.
Who can tell us where our blame lay?
Why did zodiac signs bode such grief
At our birth—who can say? Who can say?

And what black witches' brew was prepared
On that gloomy January day?
What invisible glow drove us mad
All night long, until dawn—who can say?

11 January, 1946

Translated by Sergei Roy

EGLANTINE IN BLOOM

FROM A BURNT NOTEBOOK

*And thou art distant in Humanity.**
Keats

A BURNT NOTEBOOK

Your dainty sister on a bookshelf stands.
It has been lucky, and it is much read.
Above you, though, are but the flakes of stars,
And underneath, live coals are glowing red.
Ah, how you pleaded with me, how you feared
The cruel flame, how you wished to live, to be!
Then suddenly your body bent and quivered,
And, growing faint, your voice kept cursing me.
And pine trees started rustling all at once,
Reflected in the depths in moonlight bathed.
And sacred springs began a round dance,
Holding a mournful rite around your grave.

1961

Translated by Sergei Roy

НАЯВУ

И время прочь, и пространство прочь,
Я все разглядела сквозь белую ночь:
И нарцисс в хрустале у тебя на столе,
И сигары синий дымок,
И то зеркало, где, как в чистой воде,
Ты сейчас отразиться мог.
И время прочь, и пространство прочь...
Но и ты мне не можешь помочь.

13 июня 1946

ВО СНЕ

Черную и прочную разлуку
Я несу с тобою наравне.
Что ж ты плачешь? Дай мне лучше руку,
Обещай опять прийти во сне.

Мне с тобою как горе с горою...
Мне с тобой на свете встречи нет.
Только б ты полночною порою
Через звезды мне прислал привет.

15 февраля 1946

По той дороге, где Донской
Вел рать великую когда-то,
Где ветер помнит супостата,
Где месяц желтый и рогатый,—
Я шла, как в глубине морской...
Шиповник так благоухал,
Что даже превратился в слово,
И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал.

AWAKE

Let time be gone and let space be gone,
I've seen it all in the first light of dawn:
On your table, the last
Narcissus, cut glass
And cigar smoke rising pale-blue,
And the large mirror's cool
Unruffled pool
Which might hold an image of you.
Let time be gone and let space be gone.
You cannot help me—so what can be done...

13 June, 1946

Translated by Sergei Roy

ASLEEP

Separation's dark and raw. I bear
My fair share of it—why do you weep?
Better hold my hand, and say you care.
Promise I will see you in my sleep.

You and me, we're like two mountains far
From each other—we can't meet or move.
I but wish that through those midnight stars
You might send to me your hopeless love.

15 February, 1946

Translated by Sergei Roy

Along the higway to the Don,
Where Prince Dimitry* led his host,
Where the young yellow moon two-horned
And winds can still recall our foes,
I walked in deep-sea gloom, alone.
So strong smelled eglantine, so sweet,
Scent turned to word, incredibly,
And I felt I could staunchly meet
The tenth wave of my destiny.

Translated by Sergei Roy

Ты выдумал меня. Такой на свете нет,
Такой на свете быть не может.
Ни врач не исцелит, не утолит поэт,—
Тень призрака тебя и день и ночь тревожит.
Мы встретились с тобой в невероятный год,
Когда уже иссякли мира силы,
Всё было в трауре, всё никло от невзгод,
И были свежи лишь могилы.
Без фонарей как смоль был черен невский вал,
Глухая ночь вокруг стеной стояла...
Так вот когда тебя мой голос вызывал!
Что делала — сама еще не понимала.
И ты пришел ко мне, как бы звездой ведом,
По осени трагической ступая,
В тот навсегда опустошенный дом,
Откуда унеслась стихов сожженных стая.

18 августа 1956
Старки

Ты опять со мной, подруга осень!
Ин. Анненский

Пусть кто-то еще отдыхает на юге
И нежится в райском саду.
Здесь северно очень — и осень в подруги
Я выбрала в этом году.

Живу, как в чужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
Где странное что-то в вечерней истоме
Хранят для себя зеркала.

Иду между черных приземистых елок,
Там вереск на ветер похож,

You have invented me. There's no one, not a soul,
Like that in all the world, nor can there ever be.
A doctor cannot cure you, nor a poet console—
The shadow of a ghost troubles you incessantly.
We met in that incredibly long year
When all the world was drained, and near a crash,
When all was frayed by mourning, grief and fear
And only countless graves were fresh.
No lights. The Neva's waves were tarred with blackest hue,
Dead night rose all around like walls in ruins...
Such was the time when I called out to you!
I hardly knew myself what I was doing.
You came to me as by a lodestar led,
Stepping on tragic autumn's wraith forlorn,
Into my empty house, from which had fled
A flock of poems I had had to burn.

18 August, 1956
Starki*

Translated by Sergei Roy

You're again with me, my girl-friend Autumn!
Innokenty Annensky

Let someone enjoy southern skies fresh and clear,
And bask in that garden of Eden.
It's northerly here—and my best friends this year
Will be golden autumn and freedom.

I live here as if in a house in a dream,
A strange house where I may have died,
Where mirrors on languorous evenings seem
A strangeness in their depths to hide.

I'm walking through clusters of black stunted pines
Where heath stirs like wind in the shade;

И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож.

Сюда принесла я блаженную память
Последней невстречи с тобой —
Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

1956
Комарово

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.

А я иду — за мной беда,
Не прямо и не косо,
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

1940

Н. П.

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Всё кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

1953

The half-moon's click splinter obscurely shines
Like an ancient worn knife's jagged blade.

I carried a memory here when I came
Of our last frustrated date—
The chilly, untarnished, ethereal flame
Of my triumph over my fate.

1956
Komarovo

Translated by Sergei Roy

One will along a straight path go,
Another, round and round,
Hoping some day to get back home
To an old love newfound.

And where I go, misfortune trails
As I swing up, down, over
Ravines where trains go off the rails—
From nowhere into never.

1940

Translated by Sergei Roy

To N. P.

Your heart will never hear my heart*
In joy or sadness, as before.
It is the end... My song flies far
Into the night—where you're no more.

1953

Translated by Sergei Roy

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

13 сентября 1962
Комарово

At long last, fruitful autumn is here.
It has taken so long to arrive.
Fifteen blissful springs I didn't dare
From the earth to arise—didn't try.
So I looked at the earth long and hard
As I hugged it and held it close,
And it secretly poured in my heart—
In my doomed heart—its secret force.

13 September, 1962
Komarovo

Translated by Sergei Roy

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

Июнь 1958
Комарово

МУЗЫКА

Д. Д. Ш.

В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.

ODD NUMBER

SONNET BY THE SEA

All here shall, when I'm gone, remain—
Even these battered nesting-boxes
And this fresh breeze of spring that crosses
The sea to bring refreshing rain.

The stern voice of eternity
Which no one can gainsay is calling
And silver-grey moonbeams are falling
Upon the snow-white cherry-tree.

And yonder in the green grove gleaming
What seems an easy road is leading
To somewhere faraway I know...

It's lighter there where trees are stirring
And all recalls that broad path skirting
The lake at Tsarskoye Selo.

June 1958
Komarovo

Translated by Peter Tempest

*MUSIC**

To D.D. Sh.

There is a magic burning in it,
Cutting its facets diamond clear,
And it alone calms me in minutes
When others do not dare come near.

Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела словно первая гроза
Иль будто все цветы заговорили.

1957-1958

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И всё перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

9 июля 1959
Ленинград

When my last friend cast down his eyes,
It was at my side at the grave,
It sang as thunder in spring skies—
As if all flowers started raving.

1957-1958

Translated by Sergei Roy

THE SUMMER GARDENS

My heart's with the roses, in my beloved grounds
Which my beloved wrought-iron fences surround,

Where statues remember me as a young girl,
And I, Nevan floodwaters over them swirl.

In silence and fragrance, among regal limes
I fancy I hear ship masts creaking, sometimes.

A swan seems to float through the aeons, as before,
Bewitched by his double's magnificent form.

Asleep in the gardens are steps without end
Of friends and of foes, of foes and of friends.

And there is no end to the column of wraiths
That stretches from granite vase to palace gates.

There, gentle wind whispers at night, high above,
Of somebody's secret and exalted love.

And all things are lit by a nacreous glow—
The source of the light is a mystery, though.

9 July, 1959
Leningrad

Translated by Sergei Roy

ГОРОДУ ПУШКИНА

И царскосельские хранительные сени...

Пушкин

1

О, горе мне! Они тебя сожгли...
О, встреча, что разлуки тяжелее!..
Здесь был фонтан, высокие аллеи,
Громада парка древнего вдали,
Заря была себя самой алее,
В апреле запах прели и земли,
И первый поцелуй...

8 ноября 1945

2

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
Я в беспамятстве дней забывала теченье годов,—
И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
Очертанья живые моих царскосельских садов.

4 октября 1957
Москва

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
Светила нам только зловещая тьма,
Свое бормотали арыки,
И Азией пахли гвоздики.

*TO THE CITY OF PUSHKIN**

And those protective shades of Tsarskoye Selo...
Alexander Pushkin

1

Woe is me! They've burned you to the ground!
More bitter far this meeting than a parting!
Here once a fountain played its waters sparkling
On avenues of trees whose leaves made whispering sound,
And sunsets spread like crimson seas,
And April brought the scent of earth unbound—
And the first kiss...

8 November, 1945

2

In a day long past the leaves of that willow-tree withered,
To revive in my verse with the gleam of their silver
enhanced.
The roses are dead; not so the songs of the students
Borne to fancy's ear as the magical evening advanced.

Fifty years gone! Lavishly blessed by Fortune,
I forgot, in the frenzy of days, the passing of years.
I shall never go back, but will cling to the image of places
Beloved when on Lethe's dim banks my spirit appears.

4 October, 1957
Moscow

Translated by Margaret Wettlin

How madly in love we were both on that night,
And sinister gloom was our one, only light.
The ditches talked low, and carnations
Exuded the fragrance of Asia.

И мы проходили сквозь город чужой,
Сквозь дымную песнь и полуночный зной,—
Одни под созвездием Змея,
Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад.
Но, увы! не Варшава, не Ленинград.
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
И в бубен незримая била рука,
И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

1 декабря 1959
Ленинград

ПАМЯТИ ПОЭТА

Как птица мне ответит Эхо.

Б. П.

Умолк вчера неповторимый голос,
И нас покинул собеседник рощ.
Он превратился в жизнь дающий колос
Или в тончайший, им воспетый дождь.
И все цветы, что только есть на свете,
Навстречу этой смерти расцвели.
Но сразу стало тихо на планете,
Носящей имя скромное... Земли.

11 июня 1960
Москва. Боткинская больница

And we went across the strange city, along
Streets bathed in night heat and in soft smoky song.
We walked under Serpent's gaze,
And dared not meet each other's eyes.

It could be Istanbul or even Bagdad,
But it wasn't Warsaw, and not Leningrad.
And breathing, we choked on the air
Of bitterness, loss and despair.

We fancied whole ages walked with us; unseen,
A hand beat a rhythm on a faint tambourine.
The sounds, like mysterious signs,
Whirled round us and round us entwined.

In that mystic dark there was no one around,
As if we were treading across no man's ground.
But then, like a diamond felucca,
The moon lit our parting reluctant...

And if, by a fluke, this night comes back to you
Some time in your life to which I have no clue,
Then know that there is someone here
Who holds that time sacred and dear.

1 December, 1959
Leningrad *Translated by Sergei Roy*

TO THE MEMORY OF A POET

And, like a bird, an echo'll answer me.
B.P.

A voice ineffable's no more.* He's gone.
He'll never talk to coppices again.
He must have turned now into ears of corn
Or one of his old friends, the finest rain.
And every single flower in this world
Has blossomed out in honour of that death.
And one can hear a hush on this globe fall—
The globe that we call modestly the Earth.

11 June, 1960
Moscow. Botkin Hospital *Translated by Sergei Roy*

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем,
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

1961
Ленинград. Больница в Гавани

КОМАРОВСКИЕ НАБРОСКИ

О Муза Плача...
М. Цветаева

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом, хранителем «место сего»
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

NATIVE LAND

For none can match our tearless sorrow,
Proud bearing and simplicity.

1922

We do not carry it in charms upon our chest,
In sobbing verse we do not sing its praises,
It does not interrupt our fitful rest,
Nor as a Promised Land does it amaze us.
To treat it as an article of sale
Can never be our heart's intention,
And in our sickness, speechlessness, in our travail
Its name we do not even mention.
    Yes, for us it's the mud on our gumboots,
    Yes, for us it's the grit in our teeth.
    And we mill, and we mix, and we crumble
    This innocent earth at our feet.
But we rest in this earth at the roots of the flowers,
Which is why we so readily say: It is ours!

1961
Leningrad, Haven (Hospital)

Translated by Peter Tempest

*SKETCHES DONE AT KOMAROVO**

O Muse of Lamentation...
M. Tsvetayeva

...Here I've renounced all those things that to me
Meant the earth's wealth and its grace.
This broken branch of an uprooted tree
Is now the god of the place.

We are life's guests, more or less, all of us.
Living is merely a habit.
I seem to hear on ethereal paths
Two voices' echoes unhappy.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

19-20 ноября 1961
Гавань (больница)

ПАМЯТИ В. С. СРЕЗНЕВСКОЙ

Почти не может быть, ведь ты была всегда:
В тени блаженных лип, в блокаде и в больнице,
В тюремной камере и там, где злые птицы,
И травы пышные, и страшная вода.
О, как менялось всё, но ты была всегда.
И мнится, что души отъяли половину,
Ту, что была тобой,— в ней знала я причину
Чего-то главного. И все забыла вдруг...
Но звонкий голос твой зовет меня оттуда
И просит не грустить и смерти ждать, как чуда.
Ну что ж! попробую.

9 сентября 1964
Комарово

Two, did I say? By the wall, there's a bush
Rising among sturdy gorse...
That is an elder, its boughs dark and lush
As was Marina's verse.

19/20 November, 1961
Haven (Hospital) *Translated by Sergei Roy*

*TO THE MEMORY OF V. S. SREZNEVSKAYA**

This simply cannot be, you've always been with me:
Under those blessed lines, in hospital and prison,
In times of the blockade, in places where each tree
Seemed full of splendour, and where water reeked of treason.
How things kept changing! You, though, within call
Have always been. You were half of my heart—
That knew the cause of things, their most essential part.
Now that it's gone, I have forgotten all...
Your ringing voice, though, calls to me from yonder
And bids me to await death calmly as a wonder.
I can but try...

9 September, 1964
Komarovo *Translated by Sergei Roy*

Стихи, опубликованные после смерти автора

Как вышедший из западных ворот
Родного города и землю обошедший
К восточным воротам смущенно подойдет
И думает: «Где дух, меня так мудро ведший?» —
Так я...

1910-е годы
Слепнево

Дьявол не выдал. Мне всё удалось.
Вот и могущества явные знаки.
Вынь из груди моё сердце и брось
Самой голодной собаке.

Больше уже ни на что не гожусь,
Ни одного я не вымолвлю слова.
Нет настоящего,— прошлым горжусь
И задохнулась от срама такого.

Сентябрь 1922

Соседка из жалости — два квартала,
Старухи, как водится,— до ворот,

Posthumously Published Verse

One leaving eastern gates and going round the world
To enter his home town by western gates
Would surely feel bewildered by all this, and would
Inquire: "Where is the spirit that me so wisely guides?"
That's what I ask myself...

1910s
Slepnyovo

Translated by Sergei Roy

Satan was as good as his word. I fared well.
Here are the signs of his power.
Take out my heart from my breast, if you will.
Give it to dogs to devour.

What other use can it be, if my last
Words I have said, and have no more to say?
There is no present—I'm proud of my past.
Only I'm choking on that pride—and shame.

September 1922

Translated by Sergei Roy

A neighbour from pity will walk a few blocks.
Old crones, to the gates, as the custom dictates.

А тот, чью руку я держала,
До самой ямы со мной пойдет.
И станет совсем один на свете
Над рыхлой, черной, родной землей,
И громче спросит, но не ответит
Ему, как прежде, голос мой.

15 августа 1940

И осталось из всего земного
Только хлеб насущный твой,
Человека ласковое слово,
Чистый голос полевой.

1941

Какая есть. Желаю вам другую—
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики.
Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
Ко мне уже ползли такие ночи,
И я такие слышала звонки!..

Над Азией — весенние туманы,
И яркие до ужаса тюльпаны
Ковром заткали много сотен миль.
О, что мне делать с этой чистотою
Природы и с невинностью святою,
О, что мне делать с этими людьми!..

Мне зрительницей быть не удавалось,
И почему-то я всегда вклинялась

And he in whose hand mine was held, he will walk
With me to the grave, to my last resting place.
And then quite alone in this world he'll remain.
He'll stand by the fresh earthen mound where I'll lie
And call out aloud, only never again
Will he hear my voice calling out in reply.

15 August, 1940

Translated by Sergei Roy

Now of all the plenty of this world
What is left? Only one's daily bread,
Someone's word—a gentle human word—
And the lark's pure singing overhead.

1941

Translated by Sergei Roy

I'm as I am. So I'll just wish you well.
Find someone better. I've no luck to sell
Like charlatans or wholesalers do.
While you were resting quietly by the sea
Such horrors in the night crept over me,
Such inklings stirred my soul—if you but knew!

Spring fogs are holding Asian steppes spellbound;
As far as eyes can see, for miles around—
A dreamlike carpet of bright tulips, sweeping
Beyond horizon... Oh, what pureness
Imbues all nature, and what innocence!
O God, what shall I ever do with people...

I've never been much of a looker-on,
Encroaching ever on forbidden zones

В запретнейшие зоны естества,
Целительница нежного недуга,
Чужих мужей вернейшая подруга
И многих безутешная вдова.

Седой венец достался мне недаром,
И щеки, опаленные загаром,
Уже людей пугают смуглотой.
Но близится конец моей гордыни:
Как той, другой — страдалице Марине,
Придется мне напиться пустотой.

И ты придешь под черной епанчою,
С зеленоватой страшною свечою,
И не откроешь предо мной лица.
Но мне недолго мучиться загадкой:
Чья там рука под белою перчаткой
И кто прислал ночного пришлеца?

24 июня 1942
Ташкент

Если ты смерть — отчего же ты плачешь сама,
Если ты радость — то радость такой не бывает.

Ноябрь 1942
Ташкент

Глаза не свожу с горизонта,
Где метели пляшут чардаш.
Между нами, друг мой, три фронта:
Наш и вражий и снова наш.

1942 или 1943 (?)
Ташкент

And joining in the intimate mêlee,
A healer of some fame in this domain,
A loyal friend of other women's men,
Inconsolable widow of so many.

My silver crown has all too well been earned.
My cheeks, which now seem constantly sunburnt,
Inspire something more like fear than joy.
The pain of injured pride, though, will soon end.
Just like Marina, my poor martyred friend,*
I'll drink, unwilling, of the final void.

And you will come in your funereal mantle,
Bearing in hand a horrid greenish candle,
Your visage masked—but I will promptly guess
Whose face is hid by that black evil mask,
Whose white-gloved hand that ominous candle clasps,
And who has sent me my nocturnal guest...

24 June, 1942
Tashkent

Translated by Sergei Roy

If you are death, tell me—why are you crying yourself?
If you are joy, I tell you—joy is never like that.

November 1942
Tashkent

Translated by Sergei Roy

Eyes riveted to the far skyline,
Where fierce blizzards dance on the plain,
Between us I see three fronts lie—*
Ours, enemy's and ours again.

1942 or 1943 (?)
Tashkent

Translated by Sergei Roy

Когда я называю по привычке
Моих друзей заветных имена,
Всегда на этой странной перекличке
Мне отвечает только тишина...

8 ноября 1943

De profundis ... Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленьи,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой горы,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенье,
Освещали твой страшный путь.

23 марта 1944
Ташкент

От странной лирики, где каждый шаг — секрет,
Где пропасти налево и направо,
Где под ногой, как лист увядший, слава,
По-видимому, мне спасенья нет.
.....

Осень 1944

When I, by force of habit, in the hour
Of need, call out my friends' most cherished names,
My only answer at this weird call-over
Is silence, hopeless silence, in these days...

8 November, 1943

Translated by Sergei Roy

De profundis...* Yes, my generation
Little honey in this life did taste;
Now but winds keen in this desolation,
Like a wail for the dead from our past.
We had not done what had to be done,
But our hours were already all numbered;
There was still that short stretch to be run
Till we reached the great mountain's summit,
The desired and near watershed,
Flowers blossoming in fierce elation...
They are strewn across two wars, the dead
Men and women of my generation.

23 March, 1944
Tashkent

Translated by Sergei Roy

There is apparently no more escape for me
From this strange poetry, where every point is moot,
Where right and left abysses yawn disastrously,
And where my fame, like fallen leaves, lies underfoot.

Autumn 1944

Translated by Sergei Roy

ПРИЧИТАНИЕ

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В земле не зарою.
За версту я обойду
Ленинградскую беду.
Я не взглядом, не намеком,
Я не словом, не попреком,
Я земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.

1944
Ленинград

И увидел месяц лукавый,
Притаившийся у ворот,
Как свою посмертную славу
Я меняла на вечер тот.
Теперь меня позабудут,
И книги сгниют в шкафу.
Ахматовской звать не будут
Ни улицу, ни строфу.

27 января 1946

Особенных претензий не имею
Я к этому сиятельному дому,
Но так случилось, что почти всю жизнь

A LAMENT

Leningrad's grief,
O it is past belief,
No tears will wash it away,
No grave will hide it,
No grave.
Oh what wouldn't I give
To lighten that grief.
I shall never touch it
With a look or a hint,
A reproach spoken aloud.
    I vow
In a wide open field
I'll remember it
    With a bow,
    A bow
    To the ground.

1944
Leningrad *Translated by Sergei Roy*

The sly moon, by the shadowy frame
Of the gates hiding cautiously, might
See me trade all my posthumous fame,
Without chagrin, for that single night.
Now my name they are sure to forget,
And my books, too—who will understand them?
No one'll live in Akhmatova Street.
No one'll write an Akhmatova stanza.

27 January, 1946
Translated by Sergei Roy

Let me explain I have no special claim
On this illustrious ancient mansion.*
It happened, though, that almost all my life

Я прожила под знаменитой кровлей
Фонтанного дворца... Я нищей
В него вошла и нищей выхожу...

1952

Не повторяй — душа твоя богата —
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама —
Одна великолепная цитата.

4 сентября 1956

Пусть мой корабль пошел на дно,
Дом превратился в дым...
Читайте все — мне всё равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат
.....
Как в сердце быть уколотым
И слышать крик: умри!
Что на Фонтанке золотом
Писали фонари?

1956

Забудут? — вот чём удивили!
Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.

I've lived under the famous roof
Of Fountain House... I was destitute
When I first entered it—and thus I leave it, too.

1952 *Translated by Sergei Roy*

Do not repeat what someone else has said,
Use your own words and your imagination.
But it may be that poetry itself
Is simply one magnificent quotation.

4 September 1956 *Translated by Olga Shartse*

All that is so: my ship's gone down,
My house gone up in smoke...
All may read this; one man alone
Will hear these verses talk—
He who has never been to blame...
He's nothing to me, all the same.

.....

Stabbed through the heart, before the light
Goes out—what does one cry?
Those golden lamps against the night—
What did they use to write?

1956 *Translated by Sergei Roy*

I'll be forgotten? That is really nothing.
I have forgotten been a hundred times,
A hundred times I have lain in my coffin,
I may be dead and buried even now.

А Муза и глохла и слепла,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

21 февраля 1957
Ленинград

Не мудрено, что не веселым звоном
Звучит порой мой непокорный стих
И что грущу. Уже за Флегетоном
Три четверти читателей моих.

А вы, друзья! Осталось вас немного,—
Мне оттого вы с каждым днем милей...
Какой короткой сделалась дорога,
Которая казалась всех длинней.

3 марта 1958
Болшево

Опять проходит полонез Шопена.
О, боже мой! — как много вееров,
И глаз потупленных, и нежных ртов,
Но как близка, как шелестит измена.

Тень музыки мелькнула по стене,
Но прозелени лунной не задела.
О, сколько раз вот здесь я холодела
И кто-то страшный мне кивал в окне.
.....
И как ужасен взор безносых статуй,
Но уходи и за меня не ратуй,
И не молись так горько обо мне.
.....

My Muse I've known to lose both sight and hearing,
And in the earth to rot, a seed that's doomed to die,
Only to rise again one day like Phoenix
In all its glory 'gainst the azure sky!

21 February 1957
Leningrad

Translated by Olga Shartse

Why wonder that at moments my poor lines
Ring not a cheerful note, and sad my mood?
Three quarters of my readers by this time
Have gone beyond the Phlegethon * for good.

And you, my friends! So few of you remain,
With every day I love you more and more.
How short the road has suddenly become,
The end of which seemed out of sight before!

3 March 1958
Bolshevo

Translated by Olga Shartse

Again, the sounds of Chopin's polonaise...
Oh dear, how many fans, and downcast eyes.
And tender pouting mouths, and gentle sighs,
And, God, how close, the rustling of betrayals.

A wraith of music slides along the wall
But does not stir the sheen of green moonlight.
How often have I stood here, poised for flight,
As from the window came the chilling call!

.....

How horrid, noseless statues staring hard...
Please go, and do not joust on my behalf
Nor pray for me with rancour in your soul.

.....

И голос из тринадцатого года
Опять кричит: я здесь, я снова твой...
Мне ни к чему ни слава, ни свобода,
Я слишком знаю... но молчит природа,
И сыростью пахнуло гробовой.

1958
Комарово

Непогребенных всех — я хоронила их,
Я всех оплакала, а кто меня оплачет?

1958 (?)

Недуг томит три месяца в постели,
И смерти я как будто не боюсь.
Случайной гостьей в этом страшном теле
Я, как сквозь сон, сама себе кажусь.

(1959)

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Что отдал — то твое.
Шота Руставели

Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,
Как в негашеной извести горю
Под сводами зловонного подвала.

Я притворюсь беззвучною зимой
И вечные навек захлопну двери,
И все-таки узнают голос мой,
И все-таки ему опять поверят.

13 января 1959
Ленинград

Out of the year 1913, there came
A voice: I'm here again, I'm yours, don't grieve...
I have no use for freedom or for fame;
I know too much... But all is deathly calm.
It is as if a grave had dankly breathed.

1958
Komarovo

Translated by Sergei Roy

I buried all who had no proper burial.
I wailed for all of them—but who will wail for me?

1958 (?)

Translated by Sergei Roy

Three months I've stayed in bed wracked by disease.
There is no fear of death in me, I guess.
As in a dream, to me it often seems
That in this awful frame I'm just a guest.

(1959)

Translated by Sergei Roy

AN INSCRIPTION ON A FLYLEAF

What you have given away, is yours.
Shota Rustaveli

I speak to you from under falling walls,
From under rumbling landslide wildly cry,
From under fetid cellar's dripping vaults,
Where I am slowly burning in quick-lime.

I shall fall mute, as mute as fallen snow.
Behind last gates, I'll lock myself away.
And yet my voice will sound, it will be known,
And it will be believed again, some day.

13 January, 1959
Leningrad

Translated by Sergei Roy

СКОРОСТЬ

Бедствие это не знает предела...
Ты, не имея ни духа, ни тела,
Коршуном злобным на мир налетела,
Все исказила и всем овладела,
И ничего не взяла.

8 августа 1959. Утро
Комарово

Я давно не верю в телефоны,
В радио не верю, в телеграф.
У меня на всё свои законы
И, быть может, одичалый нрав.
Всякому зато могу присниться,
И не надо мне лететь на «Ту»,
Чтобы где попало очутиться,
Покорить любую высоту.

24 октября 1959
Кр(асная) Конница
Ленинград

Хвалы эти мне не по чину,
И Сафо совсем ни при чем,
Я знаю другую причину,
О ней мы с тобой не прочтем.
Пусть кто-то спасается бегством,
Другие кивают из ниш,

SPEED

No, this calamity knows no end.
Having no spirit nor body, it went
On a rampage through the wide world, rent
Its quiet face with a hawk's claws, bent
    All to its will—
      And gained
        Nil.

8 August, 1959
Morning Komarovo *Translated by Sergei Roy*

I do not believe in telephones,
Telegraphs and radios and such rot.
In all things, I have laws of my own.
They are mine—if a bit wild and odd.
Me, I have my ways with space and time,
So I do not need to fly a jet
Into someone's dream with ease to climb
Or as high as I damn please to get.

24 October, 1959
Krasnaya Konnitsa St.*
Leningrad *Translated by Sergei Roy*

I hardly deserve all these praises.
That talk about Sappho,* no doubt,
Is pointless—but some real causes,
We know, can't be written about.
Let some people flee for their life,
Let others from their niches wave.

Стихи эти были с подтекстом
Таким, что как в бездну глядишь.
А бездна та манит и тянет,
И ввек не доищешься дна,
И ввек говорить не устанет
Пустая ее тишина.

1959 (?)

ИЗ НАБРОСКОВ

Даль рухнула, и пошатнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленный бежал по стеблям сок.
Людское мощно вымирало племя,
Но знали все, что очень близок срок.

1950-е годы

И это могла, и то бы могла,
А сама, как береза в поле, легла,
И кругом лишь седая мгла.

1960

Прав, что не взял меня с собой
И не назвал своей подругой.
Я стала песней и судьбой,
Ночной бессонницей и вьюгой.

That verse between lines read as if
It made you peer into a grave,
A bottomless pit, an abyss...
That void ever beckons and draws,
And dank silence will never cease
To spew from its sneering jaws.

1959 (?)

Translated by Sergei Roy

FROM ROUGH SKETCHES

All distances collapsed, and all time swayed;
With iron tail, the dragon of speed flayed
Great mountain ranges, and changed rivers' flow.
Dead, poisoned seeds in ravaged, dead earth lay,
And sap flowed poisoned through each shoot and bough.
The human race was withering away,
But all knew that the end would come soon now.

1950s

Translated by Sergei Roy

I could have done this, and that I could have done,
But, like a lone birch in a field, I went down.
What now? Just a greyish mist swirling around...

1960

Translated by Sergei Roy

No, you did not take me along
As friend or wife—and you did right.
I have become your fate and song,
Your sleeplessness—a storm at night.

.....

Меня бы не узнали вы
На пригородном полустанке
В той молодящейся, увы,
И деловитой парижанке.

1961. (?)
Комарово

ВЫХОД КНИГИ

Тот день всегда необычаен.
Скрывая скуку, горечь, злость,
Поэт — приветливый хозяин,
Читатель — благосклонный гость.

Один ведет гостей в хоромы,
Другой — под своды шалаша,
А третий — прямо в ночь истомы,
Моим — и дыба хороша.

Зачем, какие и откуда
И по дороге в никуда,
Что их влечет — какое чудо,
Какая черная звезда?

Но всем им несомненно ясно,
Каких за это ждать наград,
Что оставаться здесь опасно,
Что это не Эдемский сад.

А вот поди ж! Опять нахлынут,
И этот час неотвратим...
И мимоходом сердце вынут
Глухим сочувствием своим.

13 августа 1962 (днем)
Комарово

If we had not drifted apart—
Would you now recognize me as
One of a crowd of briskly smart
As-young-as-ever Parisians?

1961 (?)
Komarovo *Translated by Sergei Roy*

PUBLICATION OF A BOOK

That day is always an occasion.
The poet, bored, embittered, vexed,
A courteous host, displays his treasures,
The reader's suitably impressed.

One plunges readers into splendour,
Another takes them to a shack,
A third throws wide the doors of bedrooms,
My reader settles for a rack.

Who are they, wherefrom, why and whither
D'they think they'll get along this path
That leads to nothingness? What vision
Is drawing them, what pitch-black star?

But surely they must be seeing
What dire rewards they can expect:
This sombre garden is no Eden,
And one by dangers is beset.

You can't escape the path you've chosen.
Again they'll troop in, fast and thick,
And tear your heart to shreds by casual
And uninvited sympathy.

13 August, 1962 (daytime)
Komarovo *Translated by Raissa Bobrova*

ЕЩЕ ОБ ЭТОМ ЛЕТЕ

ОТРЫВОК

И требовала, чтоб кусты
Участвовали в бреде,
Всех я любила, кто не ты
И кто ко мне не едет...
Я говорила облакам:
«Ну, ладно, ладно, по рукам».
А облака — ни слова,
И ливень льется снова.
И в августе зацвел жасмин,
И в сентябре — шиповник,
И ты приснился мне — один
Всех бед моих виновник.

Осень 1962
Комарово

ЧЕРЕЗ 23 ГОДА

Я гашу те заветные свечи,
Мой окончен волшебный вечер,—
Палачи, самозванцы, предтечи
И, увы, прокурорские речи,
Всё уходит — мне снишься ты.
Доплясавший своё пред ковчегом,
За дождем, за ветром, за снегом
Тень твоя над бессмертным брегом,
Голос твой из недр темноты.
И по имени! Как неустанно
Вслух зовешь меня снова... «Анна!»
Говоришь мне, как прежде,— «Ты».

13 мая 1963
Комарово
Холодно, сыро, мелкий дождь

ONCE MORE ABOUT THAT SUMMER

AN EXCERPT

Demanding that the shrubs take cue
From me in that derangement,
I loved all those who were not you,
For whom I longed so vainly...
To clouds that drifted past on high
I said, "All right, I do not mind."
No words came from above there,
Just yet another shower.
In August jasmine came to bloom,
And in September did sweetbrier.
I dreamed of you, the person whom
I blamed for all my troubles dire.

Autumn of 1962
Komarovo *Translated by Raissa Bobrova*

*TWENTY-THREE YEARS LATER**

All is over. I blow out the candles,
Gone's the magic of my evening festive,—
Executioners, heralds, humbugs.
And, alas, accusing invective.
In my dreams you my mind obsess.
Having done your last dance to the Lord's ark,
Wrapped in rain, and wind, and the storm's shroud,
You're a shade on the shore immortal,
From the chasm of dark you address
Me by name, in your erstwhile manner,
Calling over and over: "Anna!"...
In your voice is the same caress.

13 May, 1963
Komarovo
Cold, damp, drizzly *Translated by Raissa Bobrova*

И было этим летом так отрадно
Мне отвыкать от собственных имен
В той тишине почти что виноградной
И в яви, отработанной под сон.

И музыка со мной покой делила,
Сговорчивей нет в мире никого.
Она меня нередко уводила
К концу существованья моего.

И возвращалась я одна оттуда,
И точно знала, что в последний раз
Несу с собой, как ощущенье чуда,
Что...

21 августа 1963. Утро
Будка

Всё в Москве пропитано стихами,
Рифмами проколото насквозь.
Пусть безмолвие царит над нами,
Пусть мы с рифмой поселимся врозь,
Пусть молчанье будет тайным знаком
Тех, кто с вами, а казался мной,
Вы ж соединитесь тайным браком
С девственной горчащей тишиной,
Что во тьме гранит подземный точит
И волшебный замыкает круг,
А в ночи над ухом смерть пророчит,
Заглушая самый громкий звук.

1963
Москва

That summer found me drawing blessed comfort
From disremembering familiar names,
By stillness, almost vineyard-like, surrounded,
Lost in reality to dreamland changed.

And music shared with me those peaceful minutes—
It is the most compliant of all things.
So often I was wafted to the limits
Of my existence on its spread-out wings.

And I returned alone from that realm yonder
And knew beyond all doubt that never more
I'll carry with me, like a sense of wonder,
That...

21 August, 1963. Morning
The lodge

Translated by Raissa Bobrova

Moscow is with poems impregnated,
Riddled through and through with barb-like rhymes.
May my rhyme and I be separated,
And to muteness may I be consigned,
May this silence be a secret emblem
Of that person you mistook for me,
You, meanwhile, will join in secret wedlock
Virgin stillness, desolate and drear,
Such as gnaws hard rock in Earth's dark bowels,
Closing off the magic ring of life,
Whispering of death in the small hours
In a voice that drowns the loudest cry.

1963
Moscow

Translated by Raissa Bobrova

В СОЧЕЛЬНИК (24 ДЕКАБРЯ)

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РИМЕ

Заключенье небывшего цикла
Часто сердцу труднее всего,
Я от многого в жизни отвыкла,
Мне не нужно почти ничего,—

Для меня комаровские сосны
На своих языках говорят
И совсем как отдельные весны
В лужах, выпивших небо,— стоят.

1964

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы! лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе всё пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад — не сад, и дом — не дом,
Свиданье — не свиданье.

А я иду, где ничего не надо,
Где самый милый спутник — только тень,
И веет ветер из глухого сада,
А под ногой холодная ступень.

CHRISTMAS EVE (24th DECEMBER)

*THE LAST DAY IN ROME**

When a bodyless cycle is completed,
It is hardest of all on the heart.
I have learnt to make do with so little,
Almost nothing of life I demand,—

The pine-trees of my own Komarovo
Speak distinctly to me in their tongue
And, like springs irretrievably over,
Stand in puddles gorged full with the sun.

1964 *Translated by Raissa Bobrova*

Although of bonds I can't break free
That to my swan-flock tie me,
A lyric poet ought to be
A man—alas! That's final.
For otherwise there'll be a mess
Until the hour of parting—
It'll all go haywire—kiss, caress,
The very house and garden.

Translated by Raissa Bobrova

I walk where nothing's needed or desired,
A dear shadow is my only escort left,
A wind blows from the garden going wild,
And underfoot's a chilly marble step.

Translated by Raissa Bobrova

Сколько бы другой мне ни выдумал пыток,
Верной ему не была.
А ревность твою, как волшебный напиток,
Не отрываясь, пила.

А как музыка зазвучала
И очнулась вокруг зима,
Стало ясно, что у причала
Государыня — смерть сама.

Though torments galore I endured from another,
I did not stay faithful to him.
Yet thirstily drained of your jealousy cupfuls,
The magic, the bitter-sweet drink.

Translated by Raissa Bobrova

As the orchestra struck up "Glory!"
And as winter came wide awake,
I saw clearly the great sovereign,
Death itself had arrived in state.

Translated by Raissa Bobrova

РЕКВИЕМ

1935—1940

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно́, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

1 апреля 1957
Ленинград

Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом.
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

ПОСВЯЩЕНИЕ

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река.
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет

REQUIEM
(1935-1940)

IN PLACE OF A FOREWORD

During the terrible years when Yezhov was Commissar of the Interior I spent seventeen months in queues of prison visitors. One day someone recognised me in the middle of just such a queue. Then the woman standing behind me, who of course had never actually heard of me, roused herself from the torpor which was so much a part of every one of us, and with lips that were blue with the cold whispered in my ear (we all talked in whispers there):

"And can you describe all this?"

"I can," was my reply.

Then something like a smile slid over what had once been her face.

April lst, 1957
Leningrad

Oh no, not then beneath an alien sky,
Nor yet protected by those foreign wings—
Oh no, 'twas life among my people then,
Right here, alas, where my poor people lived.

1961

DEDICATION

Faced by such sorrow great mountains may bend,
And even our river would pause in its flow;
But strong, oh so strong, are the prison-gate bars
That shut in the prisoners' solitary burrows,
Deep in their misery, dreadful and dark.
For someone, there dances a fresh summer breeze,
For another, the sunset is carefree and bright;
But we cannot know them, we who can hear
Nought but the odious grinding of keys

Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли.
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отдалена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

Март 1940

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марусь.

Уводили тебя на рассвете.
За тобой, как на выносе шла.
В тесной горнице плакали дети,
У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе... Не забыть!—

And the guardians' boots with their deafening tread.
We'd set out ere dawn, ere the churches were open,
And we'd walk through the streets of our city grown wild;
When we met by the prison, more dead than alive,
Then the Sun was much lower, the Neva more misty;
But hope was still there, faintly singing her song.
The verdict is read... There's no holding her tears;
She turns from us all, we can offer no balm;
Her world has been stolen from under her feet,
And life has been ripped from out of her heart—
But on she must stumble, unsteady, alone.
Where now can I find my companions in woe,
Who've shared these two years of my hell here on Earth?
What dreams do they see in the moon's pallid glow,
And what visions appear in Siberia's wild blizzard?
Where'er they may be, let me wish them farewell.

March 1940

INTRODUCTION

Time when smiles were only seen
On the restful faces of the dead,
When the city hung, a useless millstone,
Round its prison walls.
Time was when convicts left in droves—
Condemned to exile, maddened by torment—
Their trains would signal loud and clear,
And sing their brief farewell.
Then stars of death watched over us,
While sinless Russia flinched in fear—
Trembling under bloodied heels
And Black Maria's wheels.

Can you tell me it wasn't your funeral
When they took you away at the dawn,
While the children were crying in terror,
And the candle burned low by Our Lady?
For your lips were as cold as the icon,
And your brow was as clammy—as death.

Буду я, как стрелецкие женки,
Под кремлевскими башнями выть.

1935. Осень.
Москва

Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом,

Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.

Эта женщина больна,
Эта женщина одна,

Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари...
Ночь.

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Как тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

1938

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой.
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.

So now, like the *streltsy's* poor widows*
'Neath the towers of the Kremlin I wail.

1935, Autumn
Moscow

Quiet flows the quiet Don,
Yellow moon is shining bright.

Moon-shine comes into our house,
Sees a figure—skin and bone.

This is woman, she is ill,
This is woman, all alone,

Husband buried, son in gaol;
Pray for woman, pray for me.

It is someone else, not I, who's suffering.
For I couldn't stand it; and all that has happened—
Let it be draped now in black.
Then turn down the lamps...
It is night.

You once had good friends by the thousand,
And you triumphed in the world of your sin,
But what if you'd known, midst the fun,
How your life of sweet leisure would end!
Now three-hundredth in line with a parcel
You're waiting your turn by the Cross;*
Now your tears are the tears of a mother
And they burn on the snow underfoot;
Now the prison-yard poplar stands guard,
All is silence—but how many people
Here give up their innocent lives...

1938

For seventeen months I've been calling out loud,
Calling for you to come home;
How often I've begged at the hangman's vile feet
For my darling, my son and my bane.

Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кадильный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

Легкие летят недели.
Что случилось, не пойму,
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоем кресте высоком
И о смерти говорят.

1939. Весна

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь.
Ничего, ведь я была готова,
Справлюсь с этим как-нибудь.

У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить.

А не то... Горячий шелест лета,
Словно праздник за моим окном.
Я давно предчувствовала этот
Светлый день и опустелый дом.

1939. Лето
Фонтанный Дом

But everything now has turned head over heels
And my mind, it will not understand:
Who now is the monster, and who is the man,
And long can your death be delayed?
And what am I left with but flowers in bright bloom,
The censer's faint tinkling, and tracks in the snow
To nothingness leading away how?
And openly staring me full in the face,
With the threat of a certain and imminent end,
There hovers my ponderous star.

1939

Lightly do the weeks flit by,
But what has happened I don't know.
Did the white spring nights look down
To peep at you behind your bars?
What lies behind their glance renewed,
Behind this burning, hawk-like gaze?
Do they see your towering cross,
And tell you boldly of your death?

1939, spring

THE SENTENCE

And then the stony word did fall
On my still beating heart—
Oh well, I was not unprepared,
I'll somehow find a way to cope.

For I've so much to do today:
To put all memory to sleep,
To turn my feelings into stone,
And learn once more to live my life.

Or else... So warm the summer sun
In festive garb outside my door;
I knew this day was sure to break
So brightly, round my empty home.

1939, summer
Fountain House

К СМЕРТИ

Ты все равно придешь — зачем же не теперь?
Я жду тебя — мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид.
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой,—
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застилает.

19 августа 1939
Фонтанный Дом

Уже безумие крылом
Души закрыло половину,
И поит огненным вином
И манит в черную долину.

И поняла я, что ему
Должна я уступить победу,
Прислушиваясь к своему
Уже как бы к чужому бреду.

И не позволит ничего
Оно мне унести с собою

TO DEATH

You'll take me off sooner or later, so why not here and now?
I'm ready and waiting, my life's but a burden—
I've turned out the light in the hall, and the door stands open wide:
Please bring me your simple, miraculous balm.
For this you may don some disguise, if its pleasing to your mind:
Make your assault with a poison-tipped dart;
Or stealthily creep with a cosh, like a thief that's never seen;
Or stop up my heart with a fever or plague;
Or yet come with your horrible tale, the tale you wrote yourself
That everyone knows back to front, inside out—
Then let me just see, in the background, the blueness of that cap*
And the face of our landlord all ashen with fear.
It's all much the same to me now. For the Northern Star is bright.
And the Yenisei's waters are hidden in mist;
But the horrors of darkness and night have overlaid with death
The brilliant blue of my darling son's eyes.

August 19th, 1939
Fountain House

Now Madness' wing has come
And covered half my soul;
He fills me with a burning wine,
And to his darkness lures me on.

And victory, I know too well,
Will certainly be his:
The wanderings of my mind today
Are someone else's raving dreams.

And nought will he allow me, though,
To take away with me

(Как ни упрашивать его
и как ни докучать мольбою):

Ни сына страшные глаза —
Окаменелое страданье,
Ни день, когда пришла гроза,
Ни час тюремного свиданья,

Ни милую прохладу рук,
Ни лип взволнованные тени,
Ни отдаленный легкий звук —
Слова последних утешений.

4 мая 1940

РАСПЯТИЕ

«Не рыдай мене, мати,
во гробе сущу».

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто меня оставил!»
А матери: «О, не рыдай мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

ЭПИЛОГ

1

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы

(However much I may entreat
Or buffet him with my appeals):

Not my son's so frightening eyes—
His suffering now a stony stare—,
Not the day the thunder broke,
Not the prison visit's hour,

Not those gentle, cooling hands,
Not the waving limetrees' shade,
Nor yet the faint and distant sound—
The words of final comfort drear.

May 4th, 1940

THE CRUCIFIXION

"Mother, do not weep for me,
Lying in my grave."

1

The angel chorus sang in praise,
And heaven was by fire consumed.
He asked His father: "Why hast thou forsaken me?"
And begged His mother: "Do not weep for me..."

2

His favourite disciple gazed bewildered,
And Mary Magdalene did beat her breast;
But where His mother stood, alone and silent,
Thither no man dared to turn his eyes.

EPILOGUE

1

I have seen how faces fall,
How fear can glance from under eye-lids,
How anguish tells its tale on cheeks

Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сухоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

2

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:

И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,

И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».

Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.

Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.

О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,

И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомильонный народ,

Пусть так же они поминают меня
В канун моего погребального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условьем — не ставить его

In cuneate, ungracious letters,
How black, brunette and golden curls
Can in a moment turn to silver,
How smiles can fade on humble lips
And fright can make a laugh sound hollow.
I pray—not for myself alone—
For everyone who stood with me
In summer's heat and winter's chill
Beneath that red, unseeing wall.

2

Once more the hour of memory comes—
I see and hear you, feel you all so near:

You, who barely reached the casement,
You, who now has quit this land for good,

And you who said, with tender smile,
"I come here gladly, like it was my home."

I long to call you all by name,
But the list I made was one day found, and burned;

So now I've woven this mantle of words,
The simple words I took from your sad lips;

And you shall live in my remembrance,
Even if misfortune comes to me again.

But should my harrowed voice be silenced,
A voice through which my countless people speak,

Then may you all remember me
And pray that I find peace, at least in death.

And if some time my country wants
To raise a lasting monument to me,

I give consent to this my fame,
With only one condition: not to place it

Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,

Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,

А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.

Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь.

Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.

И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,

И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940, март
Фонтанный Дом

By the sea, where I was born—
My ties with open seas are broken now—,

Not there, in parkland, by the tree
Where the restless shade still haunts in vain,

But here where I my vigil kept
And where the locks were heedless of my grief;

Lest I forget in death's last sleep
How the fateful Black Marias rumbled,

Or how the dreadful door would crash,
Or how the women wailed like wounded beasts;

So then the melting snow, like tears,
Shall drop from my unmoving, bronzed-cast eyes;

The prison dove shall coo nearby
And watch the passing ships along the Neva.

1940, March
Fountain House

Translated by Graham Whittaker

СЕВЕРНЫЕ ЭЛЕГИИ

Всё в жертву памяти твоей...
Пушкин

ПЕРВАЯ

ПРЕДЫСТОРИЯ

Я теперь живу не там...
Пушкин

Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным.
Везде танцклассы, вывески менял,
А рядом: «Henriette», «Basile», «André»
И пышные гроба: «Шумилов-старший»,
Но, впрочем, город мало изменился.
Не я одна, но и другие тоже
Заметили, что он подчас умеет
Казаться литографией старинной,
Не первоклассной, но вполне пристойной,
Семидесятых, кажется, годов.
Особенно зимой, перед рассветом
Иль в сумерки — тогда за воротами
Темнеет жесткий и прямой Литейный,
Еще не опозоренный модерном,
И визави меня живут — Некрасов
И Салтыков... Обоим по доске
Мемориальной. О, как было б страшно
Им видеть эти доски! Прохожу.
А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садиках подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать, уйдем.
Не с каждым местом сговориться можно,
Чтобы оно свою открыло тайну
(А в Оптиной мне больше не бывать...).

*NORTHERN ELEGIES**

All to your memory sacrificed...

Pushkin

FIRST

PRELUDE

I live elsewhere now...

Pushkin

The Russia of Dostoyevsky. Half the moon,
Or even more, is hidden by the belfry.
Here night life thrives and cabs go flying past.
More houses going up, five stories high,
Not far from Smolny, in Gorokhovaya,
And near the Church of the Sign as well.
Dance classes everywhere and money changers
Rub shoulders with "Basile", "André" and "Henriette",
And gorgeous coffins by "Shumilov Elder".
But still, the town has not changed much since then.
Not only I, but others, too, have noticed
That sometimes it is like a lithograph
Made in the eighteen-seventies, I'd say.
Not first-class, but quite decent anyway.
    Especially in winter, before daybreak,
    Or else at dusk when just outside my gate
    The stiff and straight Liteiny stretches darkly
    (As yet it's not disgraced by "style moderne"),
    And right across from me once lived Nekrasov
    And Saltykov-Shchedrin... With a memorial plaque
    Each has been honoured. Oh, how horrified
    They'd be to see those plaques! I pass them by.
In Staraya Russa* grass has clogged the ditches,
The arbours in the gardens sag from age,
The windows are like ice-holes in the river,
Some horror must have happened there, you feel,
So better not peep in. Not every place
Can be made friends with or be willing
Its painful secrets to disclose to you.
(And no more Optina* for me, alas...)

Шуршанье юбок, клетчатые пледы,
Ореховые рамы у зеркал,
Каренинской красою изумленных,
И в коридорах узких те обои,
Которыми мы любовались в детстве,
Под желтой керосиновою лампой,
И тот же плюш на креслах...
Всё разночинно, наспех, как-нибудь...
Отцы и деды непонятны. Земли
Заложены. И в Бадене — рулетка.

И женщина с прозрачными глазами
(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),
С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,—
Ненужный дар моей жестокой жизни...

Страну знобит, а омский каторжанин
Всё понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает всё
И сам над первозданным беспорядком,
Как некий дух, взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем.

Так вот когда мы вздумали родиться
И, безошибочно отмерив время,
Чтоб ничего не пропустить из зрелищ
Невиданных, простились с небытьем.

3 сентября 1940
Ленинград
Октябрь 1943
Ташкент

ВТОРАЯ

Так вот он — тот осенний пейзаж,
Которого я так всю жизнь боялась:
И небо — как пылающая бездна,

Silk rustling skirts and tartan rugs and mirrors
In walnut frames, still overawed because
The beauty of Karenina they'd once reflected,
And in the corridors the same wallpaper
Which we adored as children when the light
Fell on it from the oil-lamp in the evening.
The chairs with their old plush upholstery...
The stamp of middle-class intellectuals
On everything. All done in haste, just any how.
Sons do not understand their fathers,
Lands put in mortgage. And roulette in Baden...

A woman with such limpid eyes
(So deep a blue that when you looked in them
You could not help remembering the sea),
A woman with the rarest name I know,*
With slim white hands, and kindness too
Which I'm supposed to have inherited—
A gift of little use in my harsh life.

The country's feverish. The prisoner in Omsk*
All understands and all has given up for lost.
Now he'll mix everything together and soar
Over the primordial chaos like a spirit.
The clock strikes midnight. His pen creaks on.
To many of the pages clings the smell
Of the Semyonovsky parade-ground.*

So that's the time we chose to be born in,
And accurately measuring off our span,
So as to miss none of the spectacles showing,
From non-existence we emerged.

3 September 1940
Leningrad
October 1943
Tashkent

Translated by Olga Shartse

SECOND

So this is it—that autumn landscape
Which I so dreaded all these many years:
The sky—a fiery, abysmal void,

И звуки города — как с того света
Услышанные, чуждые навеки,
Как будто всё, с чем я внутри себя
Всю жизнь боролась, получило жизнь
Отдельную и воплотилось в эти
Слепые стены, в этот черный сад...
А в ту минуту за плечом моим
Мой бывший дом еще следил за мною
Прищуренным, неблагосклонным оком,
Тем навсегда мне памятным окном.
Пятнадцать лет — пятнадцатью веками
Гранитными как будто притворились,
Но и сама была я как гранит:
Теперь моли, терзайся, называй
Морской царевной. Всё равно. Не надо...
Но надо было мне себя уверить,
Что это всё случалось много раз,
И не со мной одной — с другими тоже,
И даже хуже. Нет, не хуже — лучше.
И голос мой — и это, верно, было
Всего страшней — сказал из темноты:
«Пятнадцать лет назад какой ты песней
Встречала этот день, ты небеса,
И хоры звезд, и хоры вод молила
Приветствовать торжественную встречу
С тем, от кого сегодня ты ушла...

Так вот твоя серебряная свадьба:
Зови ж гостей, красуйся, торжествуй!»

Март 1942
Ташкент

ТРЕТЬЯ

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула.
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

The city noises that, forever alien,
Seem to be coming from the nether world.
It was as if all that which I had always
An inner struggle fought against had taken on
A life apart and had become embodied
In this dark garden and these sightless walls...
And, in that moment, from behind my shoulder,
My former home was keenly watching me
With narrowed, disapproving eyes. I mean
The window I'll remember ever after.
Those fifteen years, so heavy is their weight
They might be fifteen granite centuries!
But then I have myself become as hard
As granite. Call me your Sea Princess, implore me,
Suffer torments now. I do not care.
So there's no need. But what I had to do
Was talk myself into believing that all this
Had already happened many times before,
To others too, and not to me alone,
And maybe even worse. Oh no, not worse.
And then the voice that spoke to me alone—
This was, perhaps, most frightening of all—
Said from the gloom: "How glorious was the hymn
You sang that day just fifteen years ago,
How you beseeched the skies, the stars, the waters,
To hail with song the solemn troth you plighted
To your beloved, whom you now have left...

So here's your wedding anniversary,
Invite a crowd, show off, and jubilate!"

March 1942
Tashkent

Translated by Olga Shartse

THIRD

I may have been a river whose course was altered
By the grimness of the epoch. The life
I'd lived was substituted with another,
And I was made to flow past my old bed.
My strange new banks I do not know at all.

О, как я много зрелищ пропустила,
И занавес вздымался без меня
И так же падал. Сколько я друзей
Своих ни разу в жизни не встречала,
И сколько очертаний городов
Из глаз моих могли бы вызвать слезы,
А я один на́ свете город знаю
И ощупью́ его во сне найду.
И сколько я стихов не написала,
И тайный хор их бродит вкруг меня,
И, может быть, еще когда-нибудь
Меня задушит...
Мне ведомы начала и концы,
И жизнь после конца, и что-то,
О чем теперь не надо вспоминать.
И женщина какая-то мое
Единственное место заняла,
Мое законнейшее имя носит,
Оставивши мне кличку, из которой
Я сделала, пожалуй, всё, что можно.
Я не в свою, увы, могилу лягу.
.....
Но если бы откуда-то взглянула
Я на свою теперешнюю жизнь,
Узнала бы я зависть наконец...

2 сентября 1945
Ленинград

ЧЕТВЕРТАЯ

Есть три эпохи у воспоминаний.
И первая — как бы вчерашний день.
Душа под сводом их благословенным,
И тело в их блаженствует тени.
Еще не замер смех, струятся слезы,
Пятно чернил не стерто со стола,—
И, как печать на сердце, поцелуй,
Единственный, прощальный, незабвенный...

Oh, all those spectacles that I have missed!
The curtain rose and fell without me there.
To think of all the friends I might have made
Yet never was to meet in all my life.
To think of all the cities whose skyline
Might have brought tears into my eyes. But there is
Only one city in the world I know.*
Blindfolded, I would know it by the feel.
And all those poems I have never written,
They wander round me in a secret chorus,
And maybe one fine day, for who can tell,
They'll smother me to death...
I know both the beginnings and the ends,
And life after the end, and something else
That must not be remembered now.
And there's a woman who has occupied
The place that's solely mine, and now she bears
My lawfullest of names, just leaving me
My nickname which, I honestly believe,
I made the most of, all I could have done.
Not in my grave, alas, I am to lie...
.....
But then, if I could see my present life
From somewhere else I'd come to know at last
What envy feels like...

2 September 1945
Leningrad

Translated by Olga Shartse

FOURTH

One's memories live long and have three epochs.
The first is close, like yesterday; within
Its hallowed bower the soul enjoys repose,
And in its shade the body refuge finds.
The tears stream still, the peals of laughter linger,
The spot of ink still stains the desk, and stamped
Upon the heart, the farewell kiss remains,
Indelible... But this is not for long...

Но это продолжается недолго...
Уже не свод над головой, а где-то
В глухом предместье дом уединенный,
Где холодно зимой, а летом жарко,
Где есть паук и пыль на всем лежит,
Где истлевают пламенные письма,
Исподтишка меняются портреты,
Куда как на могилу ходят люди,
А возвратившись, моют руки мылом,
И стряхивают беглую слезинку
С усталых век — и тяжело вздыхают...
Но тикают часы, весна сменяет
Одна другую, розовеет небо,
Меняются названья городов,
И нет уже свидетелей событий,
И не с кем плакать, не с кем вспоминать.
И медленно от нас уходят тени,
Которых мы уже не призываем,
Возврат которых был бы страшен нам.
И, раз проснувшись, видим, что забыли
Мы даже путь в тот дом уединенный,
И, задыхаясь от стыда и гнева,
Бежим туда, но (как во сне бывает)
Там все другое: люди, вещи, стены,
И нас никто не знает — мы чужие.
Мы не туда попали... Боже мой!
И вот когда горчайшее приходит:
Мы сознаем, что не могли б вместить
То прошлое в границы нашей жизни,
И нам оно почти что так же чуждо,
Как нашему соседу по квартире,
Что тех, кто умер, мы бы не узнали,
А те, с кем нам разлуку бог послал,
Прекрасно обошлись без нас — и даже
Всё к лучшему...

5 февраля 1945
Ленинград

The bower recedes, and in its place there stands
A lovely house, unswept and hung with cobwebs,
Where it is cold in winter, and in summer
Insufferably hot, where lovers' letters
Turn brown with dust, and treasured pictures fade,
Where people come as to a grave to lay
A wreath of flowers, and afterwards, at home,
Their hands wash with great care, and brush away
A fleeting tear, and sigh, and sigh again.
But clocks tick on, and seasons come and go,
The names of cities change, events retain
No witnesses, and memories and tears
May not be shared... Unwanted and unsought,
The shades of loved ones shrink and slip away,
And we recoil in horror from the thought
That they might reappear... And then the day
Dawns when, awakening with a start, and gripped
By sickening remorse, we realise
That we no longer know where lies the path
To that lone house, and run as in a dream,
Despairing, mute, to where it stood, and lo!—
Discover that the walls, the things, the people
Are different and strange, and that we too
Are strangers there... The bitter recognition
Then comes that we must shed the hope of fitting
The past into the pattern of our lives,
For it has long withdrawn from us and is
As alien to us as to an outsider.
And then we know—know all too well, alas—
That if the dead, by any chance, returned
We would not know them, that the cherished few
With whom God chose to part us do not miss us,
That it is better so, that it is all,
So fate wills, for the best...

5 February, 1945

Translated by Irina Zheleznova

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. АХМАТОВОЙ

11(23) июня 1889	Анна Ахматова (Горенко) родилась под Одессой (Большой Фонтан) в семье офицера флота.
1890	Семья переезжает в Царское Село (под Петербургом).
1900—1905	Ахматова учится в Царскосельской женской гимназии; пишет первые стихи.
1905	Родители расстаются, мать с детьми уезжает на юг, в Евпаторию, а затем — в Киев.
1907	Ахматова оканчивает Фундуклеевскую гимназию в Киеве. Поступает на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве, где учится два года.
1907	В русском журнале «*Сириус*», издававшемся в Париже, опубликовано первое стихотворение Ахматовой («На руке его много блестящих колец»).
1910	Выходит замуж за Н. С. Гумилева. Поездка в Париж. Переезд в Петербург. Учеба на Высших историко-литературных курсах Н. П. Раева.
1911	Ахматова входит в литературную группу «Цех поэтов»; её стихи печатаются в различных периодических изданиях.
1911	Поездка в Париж.
1912	Поездка в Италию. Выход в свет первого сборника стихотворений «Вечер».
1 окт. 1912	Рождение сына — Льва Гумилева.
1914	Выход в свет сборника «Четки» (выдержал 9 изданий).
1917	Издание сборника «Белая стая».
1921	Издание сборника «Подорожник».

THE LIFE AND WORKS OF ANNA AKHMATOVA (A CHRONOLOGY)

1889 June 11th (23rd, Old style)	Anna Akhmatova (Gorenko) is born near Odessa (Bolshoi Fontan) into the family of a naval engineer.
1890	The family moves to Tsarskoye Selo (near St. Petersburg).
1900-1905	Anna attends the Tsarskoye Selo Grammar School, and writes her first verse.
1905	Anna's parents separate; her mother takes the children to Evpatoria in the south and later to Kiev.
1907	Akhmatova graduates from the Fundukleyev Grammar School in Kiev. She enters the Higher Courses for Women in Kiev, in the law department, where she studies for two years.
1907	Akhmatova's first poem ("On His Hand Are Many Shiny Rings") is published in the Russian journal *Sirius*, put out in Paris.
1910	Akhmatova is married to N. S. Gumilyov. She travels to Paris, moves to St Petersburg. Attends N. P. Rayev's Higher Courses in History and Literature.
1911	Akhmatova becomes part of the literary group known as The Poet's Workshop; her poems are published in various periodicals.
1911	A trip to Paris.
1912	Akhmatova travels to Italy. Her first collection of poetry are published under the title *Evening.*
1912 Oct. 1	Akhmatova's son Lev Gumilyov is born.
1914	The collection of poems *Rosary* is published.
1917	Publication of the collection of poems *A White Birds' Flight.*
1921	Publication of the collection of poems *The Plantain.*

1921, август	Расстрел Николая Гумилева по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре.
1921—1922	Издание сборника «*Anno Domini* MCMXXI», дополненное и переизданное в 1923 г.
1930-е	Ахматова занимается изучением творчества Пушкина; становится членом Пушкинской комиссии Академии наук СССР, переводит стихи поэта, написанные по-французски, публикует ряд исследований о Пушкине.
1933—1944	Четыре ареста сына по ложным доносам. Освобожден и полностью реабилитирован в 1956 г.
1935—1940	Работает над поэмой *«Реквием»*.
1940	Выходит в свет сборник «Из шести книг».
1941, сент.	Была эвакуирована из блокадного Ленинграда сначала в Москву, затем в Ташкент.
1941—1944	Живет в Ташкенте, выступает с чтением стихов в госпиталях.
1943	Издание сборника *«Избранное»*.
1944, июнь	Возвращается в Ленинград.
1946	Издание сборника *«Избранные стихи»* (1909—1945).
1946, 14 авг.	В Постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах *«Звезда»* и *«Ленинград»* подвергнута резкой критике поэзия Ахматовой.
1958	Издание сборника *«Стихотворения»*.
1961	Издание сборника *«Стихотворения»*.
1962	Заканчивает *«Поэму без героя»*, над которой работала 22 года.
1964	Вручение Ахматовой премии «Этна-Таормина» в Италии. Присуждение Ахматовой почетной степени доктора Оксфордского университета.
1965	Издание сборников *«Бег времени»* и *«Голоса поэтов»*. (Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой.)
1966, 5 марта	Умирает в больнице (г. Домодедово, Московской обл.). Похоронена под Ленинградом, в поселке Комарово.

1921 August	Execution of Nikolai Gumilyov following accusation of participation in counter-revolutionary plot.
1921-1922	Publication of the collection *Anno Domini MCMXXI*, expanded and reissued in 1923.
1930s	Akhmatova studies the works of Pushkin; she is made a member of the Pushkin Committee of the Academy of Sciences of the USSR, completing translations of the poet's works written in French; she publishes a number of research articles on Pushkin.
1933-1949	Son arrested four times on false charges. Freed from labour camps and rehabilitated in 1956.
1935-1940	Akhmatova works on her poem *Requiem.*
1940	Publication of the collected works *From Six Books.*
1941, Sept.	Akhmatova is evacuated from beseiged Leningrad, first to Moscow and later to Tashkent.
1941-1944	Akhmatova lives in Tashkent, reading her poetry in military hospitals.
1943	Publication of the *Selected Poems* collection.
1944, June	Akhmatova returns to Leningrad.
1946	Publication of *The Selected Poems (1909-1945).*
1946, Aug. 14	Akhmatova's poetry receives harsh criticism in the CPSU Central Committee's decree On the Journals *Zvezda* and *Leningrad.*
1958	Publication of the collection *Poems.*
1961	Publication of the collection *Poems.*
1962	Akhmatova completes *A Poem Without a Hero,* after a twenty-two-year effort.
1964	Akhmatova is presented with the Etna-Taormina prize in Italy. Akhmatova is awarded the honorary degree of Ph. D. from Oxford University.
1965	Collections *The Flight of Time* and *The Voices of Poets* are published. (Translations of foreign poets by Anna Akhmatova.)
1966, March 5	Akhmatova dies in the hospital in the town of Domodedovo, Moscow Region. She is buried in the settlement of Komarovo, near Leningrad.

NOTES

This book offers readers selected poems of Anna Akhmatova (1889-1966), and does not include her prose and translations. The publication begins with Anna Akhmatova's autobiographical notes "About Myself in Brief". The introductory article is by Alexander Tvardovsky.

The texts have been taken from the collection *Anna Akhmatova, Verses and Poems,* Leningrad branch of Sovietsky Pisatel Publishers, 1976. Each of the seven collections, published in Anna Akhmatova's lifetime, are represented here. Poems published after Akhmatova's death are given at the end of the book. The cycles correspond to Akhmatova's last lifetime publication *The Flight of Time, Poems,* Moscow-Leningrad, 1965.

Anna Akhmatova is the pride of Russian Soviet poetry. Highly acclaimed from the first, she steadily advanced from intimate lyric poetry to poems with a powerful social impact.

Over the last four decades there have been as many as twenty editions of Akhmatova's poetry with impressions of 75,000, 80,000, 150,000 and 200,000 copies, totalling over a million by now.

Anna Andreyevna Akhmatova (Gorenko) was born in 1889, and was one of six children. "In our family," she wrote, "there were no poets as far as the eye could see, and only Anna Bunina, the first Russian poetess, was an aunt of my maternal grandfather Erazm Stogov." Anna Andreyevna's father took a sceptical view of her poetry writing, and that was why she started using a pen-name, assuming her great-grandmother's name who traced back her origin to Khan Akhmat of the Golden Horde.

The poems first published in magazines went unnoticed both by critics and readers. But her first book *Evening* (1912) was an enormous success, and made Akhmatova famous overnight. She was especially popular with female readers, and her early lyric poems evoked torrents of feminine imitations. For all the success of her first book, Akhmatova did not republish it, and only some of the poems she later included in the next collection *Rosary* (1914), which was reprinted many times.

* * *

ABOUT MYSELF IN BRIEF

p. 25

Tsarskoye Selo, now the town of Pushkin, is situated not far from Leningrad. From the middle of the 18th century it was the summer residence of Russian tsars. In 1811 a lycée of which the great Russian poet Alexander Pushkin was a student, was opened in a wing of Catherine the First's Palace, built by Rastrelli. Tsarskoye Selo came to be known as a "city of Muses" for many Russian poets lived there. Anna Akhmatova and Nikolai Gumilyov, her future husband, both spent their childhood and youth here. Tsarskoye Selo was one of Akhmatova's main lyric themes, which she took up again and again during the whole course of her life.

EVENING

p. 33

My marble twin is the "Milkmaid with a Broken Jug" by sculptor P. Sokolov (1764-1835) in the Tsarskoye Selo park.

The swarthy youth—Alexander Pushkin was a lycée student from 1811 to 1817.

p. 41

The Fisherman. In her unfinished memoirs Akhmatova wrote that when she lived in Sevastopol she earned for herself the name of "wild girl" because she jumped from a boat into the open sea, swam during a storm, got so sunburnt that her skin, blistered and peeling, shocked the provincial misses.

ROSARY

This second book of Akhmatova's came out in March 1914 and was an enormous success. The book was reprinted nine times from 1915 to 1923. Since 1940, poems from *Rosary* have been an inevitable chapter in each publication.

p. 51

"We're all of us drunkards and harlots..." The poem was first published under the title "Cabaret artistique". The reference is to the Stray Dog cafe which was very popular with writers and artists before the First World War.

On the walls the painted parrots...—the cafe's murals were painted by Sergei Sudeikin (1882-1946).

p. 55

"There's a smile I have..."—this is one of a number of poems dedicated to poet Mikhail Lozinsky (1886-1955), Akhmatova's friend over many years. Lozinsky headed the Hyperborean Publishing House which produced Akhmatova's third book; he edited her second and third books and helped her a great deal with the preparation for publication of the 1940 collection *From Six Books*. Lozinsky's translations from Shakespeare and Dante are famous. Akhmatova held in high esteem Lozinsky's contribution to "the difficult and noble art of translation" ("A Word about Lozinsky", 1965).

p. 57

The Fortress is the Peter and Paul Fortress, currently Leningrad's Museum of the Revolution, founded by Peter the Great in 1703 as a defensive fortress for the new Russian capital, St Petersburg. It later became a prison for particularly important political opponents of tsardom.

p. 59

The meagre countryside of Tver—this refers to Slepnyovo in the former Tver Gubernia (now the Kalinin Region) where the estate of Akhmatova's mother-in-law was situated. Akhmatova's son, Lev Gumilyov, now a leading Soviet historian, grew up here, and Akhmatova herself spent her summers here between 1910 and 1918. In the plan of her unrealised autobiography *My Half-Century* we find: "Chapter 3. Paris, 1910-11. Slepnyovo. It's of great significance in my life."

p. 61

Chersonese (now Korsun)—an ancient town in the Crimea, dating back to the 5th century BC; the ruins of the town are now an open-air museum on the outskirts of Sevastopol. Akhmatova referred to herself as "the last citizen of Chersonese".

p. 63

St. Isaac's (Cathedral)—an example of the later Russian Classicism, was built in 1818-1858 by A. Montferrand.

Tsar Peter's horse—the equestrian monument to Peter the Great by E. Falconet (1716-1791) was unveiled in 1782, and glorified by Pushkin in his poem *The Bronze Horseman*.

For in Galernaya, in the archway—the arch between the buildings of the Senate and Synod, the last of Rossi's major works built in 1829-1834. From this arch begins Galernaya Street (now Krasnaya Street.)

The Summer Gardens was planted in 1740 round the Summer Palace of Peter the Great and famed for its statuary and beautiful railings.

p. 65

Venice. In the summer of 1912, Anna Akhmatova and Nikolai Gumilyov, then newly married, travelled through Northern Italy and Switzerland.

A heraldic lion with a book mentioned in the poem is Venice's emblem.

"When I came to see the poet..."—this poem is addressed to Alexander Blok (1880-1921), in response to his poem to Akhmatova "Beauty's terrible, they'll tell you..." In her poem Akhmatova describes her only visit to Blok's flat on Ofitserskaya Street (now Dekabristov Street, No. 57; the flat is preserved as a museum). Akhmatova described her few meetings with Blok in her "Recollections of Alexander Blok", written a year before her death in order to refute the widespread, but false, rumours of a love affair between the two poets. Akhmatova pointed out that Blok "was an important influence in the life of a whole generation, but it does not follow from this that he was a particular part of my own personal life". Akhmatova wrote seven poems addressed to Blok and she considered him to be "not only the greatest European poet of the first quarter of the 20th century, but indeed a poet in an age of his own". Although a poet's development is influenced by many different poetical trends, Blok's influence can be clearly seen in Akhmatova's works. And Blok, in his turn, was particularly appreciative of the naturalness, sincerity and delicacy in Akhmatova's poems.

A WHITE BIRDS' FLIGHT

Akhmatova's third published book, much bigger than the first two, was brought out in a thousand copies, and in spite of all the hardships and difficulties of those years of Revolution and Civil War was reprinted, with slight changes, three times—in 1918, 1921 and 1922.

The title comes from the following line in the poem "Are you alive or dead, I do not know": "And all my poems too—a white birds' flight".

The epigraph was taken from the poem "Dearest" by Innokenty Annensky (1856-1909), whose influence on Akhmatova's work was considerable.

p. 75

To N.V.N.—dedicated to Nikolai Vladimirovich Nedobrovo (1884-1919), Akhmatova's friend, poet and literary critic of great taste. Akhmatova noted his influence on her own poetry, and regarded Nedobrovo's article in *Russkaya Mysl* (1915, No. 7) as the shrewdest of all the critical appraisals of her writings.

"For us to lose our words' and feelings' freshness..."—the final stanza of Akhmatova's poem contains an oblique reference to the opening of Alexander Pushkin's poem "To the Poet" (written in 1830):

Oh poet! Place no value on popular acclaim.
The short-lived noise of rapturous applause will pass;
So when you hear the censure of the fool, the crowd's cold scorn,
Then stay you firm, with mien composed and sullen.

You are a king: then live alone. And walk along
The road of freedom, the road of your free mind...

p. 77

"How dark is the path in the park by the sea..."—Alexander Vertinsky (1889-1957), a well-known singer and composer, put to music this poem, and also "Grey-Eyed King" from *Evening.* Her poems have also inspired other Soviet composers, among them Shebalin, Kabalevsky, Geller, and Oborin.

p. 79

Pavlovsk is an outstanding monument of Russian classicism of the late 18th-early 19th centuries. Empress Catherine II built it for her son Paul, then Grand Duke. Its architectural ensemble includes a palace and several pavilions in a landscape garden which is in itself a work of art. It is at present a museum. Feeling part of the mainstream of the Russian cultural tradition, Akhmatova had a deep love for St Petersburg (later Petrograd and Leningrad), for Tsarskoye Selo, where the air itself seems imbued with Pushkin's poetry, and for Pavlovsk. It was in these surroundings that she grew up, absorbing their noble beauty and their very atmosphere. "Tsarskoye Selo," wrote Akhmatova, "is something from my everyday life, because it is my home, and Pavlovsk is always a feast, because it has always meant journey..." The present poem is probably the best expression of this emotional attitude. Akhmatova's later poems on the Pavlovsk theme were quite different in tone, expressing as they did her anger at the devastation wrought here by the Nazi invaders, and her pride and joy when the treasures of Russian culture were restored.

The *cast-iron gates* mentioned in the poem were built by Rossi in 1826 at the point where you enter Pavlovsk by the road from Tsarskoye Selo.

Apollo's bronze shoulder—there are three Apollo statues in the park of Pavlovsk; they were cast from a classical original in the late 18th century.

p. 85

In Memory of July 19, 1914—the First World War began on July 19 (Old Style) 1914.

p. 91

Yunia Anrep, née Khitrovo (1880-1973) was Akhmatova's friend and wife of Boris Anrep (1883-1969), poet, mosaic artist and art critic.

THE PLANTAIN

The Plantain was the fourth collection of Akhmatova's poems; it appeared in volume form in 1921. The epigraph comes from the dedication to Pushkin's long poem *Poltava.*

p. 99

"You're a renegade—you have betrayed..." Poems on the subject of emigration were addressed to Boris Anrep (See Note to p. 91); there were 17 such poems in *A White Birds' Flight* and 14 in *The Plantain.*

ANNO DOMINI

First published in 1922 under the title *Anno Domini MCMXXI;* the second edition, which included some new poems, appeared a year later under the present title.

p. 113

There blossom like cornflowers the trusting eyes of my one son—Akhmatova's son, Lev Gumilyov. See Note to p. 59

p. 117

The Dark Dream cycle was dedicated to V. K. Shileiko (1891-1930), an Orientalist and translator of ancient texts. Akhmatova married him in 1918 and divorced him in 1921.

Third Zachatyevsky Lane is between Kropotkinskaya Embankment and Ostozhenka Street in Moscow. Nearby lies the former Convent of the Conception (Zachatiya), founded in the 16th century in fulfillment of the wish of Tsarina Irina Godunova. The convent was rebuilt by the architect Kazakov in 1804-1814. Akhmatova and Shileiko lived not far from it.

(This poem, like a good deal of Akhmatova's verse, is in folk style. It is reminiscent of the singsong wail of a woman preparing for death. The *icon* mentioned here is the tiny medallion worn round the neck, especially in times of trouble or imminent death.— *Tr.*)

p. 133

"Yes, I adored those noisy crowded nights..."—this is one of a series of poems devoted to A. S. Lurye (1892-1966)—composer, Glazunov's pupil, and author of several operas. Lurye set to music several of Akhmatova's poems, and Akhmatova wrote the libretto (subsequently lost) for Lurye's ballet *Snow Mask* (after Alexander Blok's play). In 1922, Lurye left abroad and settled in the USA.

REEDS

Reeds never appeared as a separate volume but formed the beginning of *From Six Books* (1940)—her first publication of collected poems after *Anno Domini.* Originally, the cycle was known as *The Willow,* after the first poem in it. There were variations in the composition of the cycle from edition to edition.

p. 137

"I play in all five of them." A line from Boris Pasternak's rough draft of "Hamlet".

"Here started Pushkin's banishment..."

The scene described in the poem is generally known as Caucasian Mineral Waters, with four principal health resorts—Zheleznovodsk, Pyatigorsk, Yessentuki, and Kislovodsk—among the northern foothills of the Caucasus. In the summer of 1929, Akhmatova took the cure at Kislovodsk. The area has very strong literary associations, as most of Russia's famous writers were there, at one time or another. Akhmatova mentions two of them, Pushkin and Lermontov, who were banished from the capital, in 1820 and 1841 respectively, to what was then a scene of military operations against the mountaineers. Pushkin spent two months there, and Lermontov was sent down twice; during his second exile he was killed in a duel with a certain Major Martynov, ostensibly over an epigram of Lermontov's.

The *immortal lover* mentioned in the poem is the Demon—the subject of Lermontov's long poem. (It should be mentioned, though, that Akhmatova was taking a bit of poetic licence here, as the scene of *The Demon* is set among the forbidding mountains much further south.— *Tr.*)

p. 141

"Some lose themselves in gentle eyes..." The fourth quatrain of the Russian text of the poem contains a phrase (*po drevnei podkaprizovoi doroge* lit. "along the ancient road under the caprice") which takes some explaining even to native speakers of Russian with no special knowledge of the environs of St Petersburg—Leningrad. The fact is that in the 18th century gates were built where the old St Petersburg (Babolovskaya) road entered Tsarskoye Selo, with a Chinese hower on top of those gates, called *Bolshoi kapriz*—"The Grand Caprice".

Fountain House (Fontanny Dom) is a former mansion of the Counts Sheremetev facing the Fontanka (Fountain River) in Leningrad. Akhmatova lived there, on and off, between 1919 and 1952. Since 1926 she lived there in a flat that belonged to her husband Professor N. N. Punin (1883-1953), an art scholar.

p. 143

Dante—in 1302, after the triumph of his political opponents in Florence, Dante Alighieri was exiled from his native city. In 1315, he declined the proposal that he return, since his opponents demanded a humiliating public penance. According to Victor Zhirmunsky, "Akhmatova loved Dante's poetry, and knew many passages from the *Divine Comedy* by heart. A copy of the *Divine Comedy* in Italian was always part of her working library." There are eyewitness accounts to the effect that listeners wept hearing Akhmatova recite from memory Dante's *terza rimas* in her deep, low voice.

The epigraph from *Hell* (Canto XIX, stanza 17) is not quoted accurately by Akhmatova; in Dante, the line reads: *"Nel mio bel San Giovanni..." San Giovanni* is the baptistery of the Florentine cathedral.

Never did he look back as he left... This echoes the biblical legend of Lot's wife (see Akhmatova's poem "Lot's Wife") and the myth of Orpheus and Euridice.

p. 147

Rupture. Biographically, the subject of this cycle is Akhmatova's breaking up with N. N. Punin in 1938.

THE SEVENTH BOOK

The Seventh Book, just as *Reeds,* never appeared as a separate volume. It comprises poems from the years 1936-1964. The plan of the book varied, but the cycle principle was always retained. The source of the epigraph has not yet been established.

p. 155

Komarovo is a village near Leningrad where Akhmatova usually spent the summers beginning with the late 1950s. Akhmatova was buried at the cemetery of Komarovo, in accordance with her will.

p. 157

The Year 1940 was written after the capture of Paris by Nazi troops.

p. 157

To the People of London appeared after the first sudden air raids of the *Luftwaffe* against London and other major cities of the UK.

p. 159

The *Winds of War* cycle was written by Akhmatova during the Second World War. Akhmatova's verse expressed the courage of the people as a whole. Akhmatova spent several months of the 900-day long siege of Leningrad by the Nazis in the city. The Leningraders suffered untold hardships during that siege—shelling, air raids, starvation. The citizens dug ditches, built anti-tank fortifications, some (Akhmatova among them) became air-raid wardens, fighting incendiary bombs on the roofs of buildings. They did everything to save the art treasures, hiding the statues of the Summer Gardens in the earth (see Note to p. 63). And of course, they did everything to help the Soviet troops then fighting on the outskirts of the city. Akhmatova went several times to frontline units to recite her verse. In September 1941, Akhmatova was evacuated by plane to Tashkent—not at her request, it must be mentioned. Until the spring of 1944, she lived in Central Asia. Despite the illness from which she suffered in those years, Akhmatova wrote a great deal about her Motherland, the people's courage, and Leningrad.

p. 163

"Knock with your little fist, and I'll open..." is dedicated to the memory of a little boy who died during an air raid in Leningrad. The boy, Valya Smirnov, was from a family of Akhmatova's neighbours at Fountain House.

Nox. The statue of Night is one of the group called "The Times of Day" erected by Bonazza in the Summer Gardens early in the 18th century.

p. 165

Dyurmen is a settlement near Tashkent where Akhmatova took the cure after a bout of typhoid fever.

p. 169

My Name. See the beginning of these Notes.

"My heart was full, without a single care..." Akhmatova not only sang Pushkin's praises in her verse—she spent years studying his work; these studies resulted in a series of articles published in the 1930s-1960s, such as "Pushkin's Death", "Alexandrina", "Pushkin and the Nevan Shore", "Pushkin's Last Fairytale", "Benjamin Constant's *Adolphe* in Pushkin's Work", "Pushkin's *Stone Guest*", and others.

p. 171

Cinque. In the original publication, the cycle was called "Love" and was provided with the epigraph "Five roses bound by a stalk. *Inn. Annensky*" (see Note to *A White Birds' Flight*).

p. 173

A drama I burnt mentioned in the cycle was the play *Enuma Elish, or Dream Within Dream,* written in Tashkent and destroyed in 1944. Only several fragments of it have been preserved.

p. 175

The epigraph is the last line of stanza XXXIX of Keats' long poem *Isabella or the Pot of Basil.*

p. 177

Dimitry, Grand Duke of Moscow and Vladimir (1350-1389), led the Russian people in the struggle against the Golden Horde. In 1380, he moved at the head of the Russian host along the Kolomna Highway, south-east of Moscow, and routed the invaders in the battle of the Kulikovo Field in the upper reaches of the Don (hence his title *Donskoy,* "of the Don").

p. 179

Starki is a village just outside Leningrad, where Akhmatova spent some time with her friends.

p. 181

"Your heart will never hear my heart..." In 1953, Akhmatova learnt of the death of N. N. Punin.

p. 185

Music. The poem is dedicated to Dmitry Shostakovich (1906-1975). On September 29, 1941 Akhmatova was evacuated from Leningrad by the same plane that was carrying Shostakovich, who had with him Part 1 of his famous Seventh (Leningrad) Symphony; the fact was mentioned in the first variant of the final stanza of *"A Poem Without a Hero"*:

> *Right behind me, calling itself*
> *In its secret splendour "The Seventh",*

Heading straight for a feast unheard,
That grand citizen of Leningrad
To the ether of our Motherland
In the guise of a notebook returned.

p. 189

To the City of Pushkin. Akhmatova's visit to devastated Tsarskoye Selo produced a shattering effect on her. That town, renamed after her most loved poet Pushkin, the place where she had lived in her youth and knew each lane and statue, now lay desecrated and maimed by the enemy. In his book *The Fate and the Craft* (Moscow, Iskusstvo Publishers, 1984, pp. 34-36), the actor Alexei Batalov thus described Akhmatova's visit to Tsarskoye Selo in the autumn of 1955, when restoration work was not yet over: "She did not strike any sad postures or wrinkle her brow trying to remember what was here and what over there. She walked as one who comes to the site of one's burnt down house, finding it hard to recognize the remains of the objects familiar from childhood among the fragments ravaged by fire... Her clear attentive eyes gazed hard and long at the maimed stucco mouldings and fragments of sculptures whose every curve must have been familiar to her; at the burnt-out black windows of rooms in which she must have walked so often in the past; but there was neither wonder nor anger nor tears in those eyes. I even had the impression that what she had said in her poems about Leningrad was, to her, an oath given to the countless losses she could not even bewail.

There was as yet a stamp on all
Of recent thunderstorms and griefs...
I saw my city through the pall
Of tears—last tears without relief.

I was dumbfounded by the courage and spiritual fortitude of that infirm old woman. Memory and dignity were the only things she could oppose to all that monstrous reality."

The town of Pushkin, just as Leningrad itself, Pavlovsk, Peterhof and others, has been fully restored.

p. 191

"A voice ineffable's no more..." is part of the cycle *To the Memory of a Poet* written in connection with the death of Boris Pasternak (1890-1960), the great Soviet poet, to whom Akhmatova was bound by a deep mutual affinity and understanding. Many of Pasternak's works were highly valued by Akhmatova.

p. 193

Sketches Done at Komarovo—in the MS had the title "We Are Four"; there were also epigraphs from poems dedicated to Akhmatova: Osip Mandelshtam's "Is graceful gitana doomed, too, to the torment of Dante's *Hell*", Boris Pasternak's "Your image and your look are thus retained", Marina Tsvetayeva's "O Muse of Lamentation..." The last two lines literally read:

A dark, fresh bough of elder...
That is a letter from Marina.

The allusion is to Marina Tsvetayeva's poem *Elder.*

p. 195

To the Memory of V. S. Sreznevskaya was written on the day of the death of V. Sreznevskaya, Akhmatova's friend from her school years and during the whole of her life.

POSTHUMOUSLY PUBLISHED VERSE

Through the efforts of Victor Zhirmunsky, the *Poet's Library* collection comprizes poems that were published in periodicals after Akhmatova's death or existed only in MS form.

p. 201

Just like Marina, my poor martyred friend... Evacuated to Yelabuga early during the war, Marina Tsvetayeva, "in an hour of loneliness", committed suicide on August 31, 1941.

Between us I see three fronts lie... Besieged Leningrad was separated from the rest of Russia by three front lines. V. G. Garshin, professor of the Military Medical Academy (1887-1956), a friend of Akhmatova, stayed in the besieged city.

p. 203

"De profundis..." Apart from the direct quote from the beginning of Psalm 130, the two first lines of the poem contain an allusion to the biblical text "I did but taste a little honey... and, lo, I must die" (1 Samuel 15:43), which is mostly familiar to the modern Russian reader as the epigraph to Mikhail Lermontov's long poem *Mtsyri.*

p. 205

This illustrious ancient mansion is Fountain House (see Note to p. 141).

p. 209

Phlegethon—according to an antique legend, the fiery river which surrounded the realm of the dead.

p. 213

Krasnaya Konnitsa St. (Red Cavalry Street) was where Akhmatova lived between 1952 and 1961.

Sappho (early 6th century BC)—Greek lyric poetess of Lesbos. Facts on her life are scarce and only fragments of her poetry, the longest seven stanzas, survive.

p. 219

Twenty-Three Years Later.—The poem was written after the passage of 23 years since Anna Akhmatova started writing *A Poem Without a Hero.* The first line is a variant of the beginning of the poem.

p. 223

Christmas Eve (24th December). The Last Day in Rome.—In December 1964 Anna Akhmatova made a trip to Italy in connection with the conferment on her of the National Prize for Poetry Etna-Taormina. Her last trip abroad was made in the summer of the next year, when Oxford University invited her to the ceremony of the award of Honorary degree of Ph. D. to her.

p. 231

The streltsy's *poor widows. Streltsy*—members of the standing army in feudal Russia; at the end of the 17th century many of the *streltsy* rebelled against the Tsar, Peter the Great, but were defeated. More than a thousand of their number were executed.

The Cross—a prison just outside Leningrad.

p. 235

The blueness of that cap—a reference to the uniform of NKVD (Internal Security) agents.

p. 243

Northern Elegies were called "Leningrad Elegies" in the rough copies. Anna Akhmatova planned to write 7 such elegies, but only wrote 4.

Staraya Russa—a provincial town in Central Russia which Dostoyevsky portrayed in his novel *The Karamazov Brothers* under the name of Skotoprigonyevsk. In the last years of his life Dostoyevsky lived in Staraya Russa for long stretches of time.

Optina (Pustyn)—a monastery in Kaluga Gubernia where Dostoyevsky went in search of religious solace in the summer of 1878 after the death of his son.

p. 245

A woman with the rarest name I know—Anna Akhmatova speaks of her mother, whose name and patronymic was Inna Erasmovna.

The prisoner in Omsk—the reference is to Fyodor Dostoyevsky, who served a sentence of four years hard labour (1850-1854) in the Omsk prison.

Semyonovsky parade-ground was where death sentences were read to members of the Petrashevsky group, Dostoyevsky among them. At the last moment they were commuted to hard labour.

p. 247

There is only one city in the world I know—Anna Akhmatova means Leningrad.

Compiled by L. Stephanova

REQUEST TO READERS

Raduga Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send all your comments to 17, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.

PORTRAITS OF ANNA AKHMATOVA

NIKOLAI TYRSA (1887-1942)—Soviet artist, known for his illustrations of Pushkin's works done in the manner of a quick pencil drawing, and also for his decoratively colourful still lifes and landscapes.

Akhmatova's portrait (36.5 × 22.7 cm.) painted with white lead and soot in 1928 is on display at the Russian Museum in Leningrad. In 1927, Nikolai Tyrsa also painted her full face in black watercolour against a pale green background. (This portrait is in the private collection of I. S. Silberstein).

KUZMA PETROV-VODKIN (1879-1939)—Soviet painter, Merited Artist of the RSFSR. His early work (1900-1910) speaks of the boldness of his experimentation in his search for colour expression.

The portrait of Anna Akhmatova, painted in oils on canvas (54.4 × 43.4 cm.) is on display at the Russian Museum in Leningrad.

Art critic G. Elshevskaya wrote: "In Petrov-Vodkin's portrait Akhmatova is immersed in the artist's habitual world, a mistily-blue infinity. Traits of ascetism and self-absorbtion prevail in her face, and this self-absorbtion is interpreted as the state of the poet when he listens to his inner voice, to his inner music."

ALEXANDER OSMERKIN (1892-1953)—Soviet painter whose sphere was monumental art. The portrait of Anna Akhmatova was painted in 1939-1940 in oils on canvas (90 × 78 cm) and belongs to the State Museum of Literature.

Anna Akhmatova liked this portrait. She and Osmerkin were very close friends, the bond between them being their shared interest in Pushkin.

ALEXEI BATALOV (b. 1928)—Soviet film actor and producer, People's Artist of the USSR. In his youth Batalov studied painting under R. Falk.

He painted Anna Akhmatova in the house of his mother, Nina Olshevskaya, an actress. When Akhmatova came to Moscow she often stayed with these very dear friends of hers—Nina Olshevskaya and her writer husband V. Ardov (1900-1976).

The colour scheme of this portrait is a quiet golden-brown. In the image of Akhmatova here there is something Dantesque, and also something of Russian 18th-century portraits.

The text about the artists
has been compiled by Mark Bazhenov

Raduga is immensely greatful to Mark and Irina Bazhenov for their permission to use the material from their collection.

Nikolai Tyrsa
(1887-1942)

Kuzma Petrov-Vodkin
(1879-1939)

Alexander Osmerkin
(1892-1953)

This book is to come out on the occasion of the one-hundred-year anniversary of the birth of the great Russian poetess Anna Akhmatova (1889-1966). Akhmatova, whose works embody all the qualities of stylistic mastery, is by right considered one of the twentieth century's most outstanding lyric poets. Anna Akhmatova was granted the honorary title of Ph. D. from Oxford University and awarded the Etna-Taormina prize (Italy).

АННА АХМАТОВА СТИХИ

Alexei Batalov
(b. 1928)